

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ НОСТАЛЬГИЯ

Владимира Фетисова

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ НОСТАЛЬГИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНИГИ НАШЕГО ДЕТСТВА

(иллюстрированная ностальгия)

*Детям вечно досажен их возраст и быт
И дрались мы до ссадин, до смертных обид
Но одежды латали нам матери в срок,
Мы же книги глотали, пьянея от строк.*
Владимир Высоцкий. Книжные дети.

- Вова – Ответа нет.
- Вова – Ответа нет.
- Вова, туши свет немедленно, завтра в школу с утра.
- Сейчас, мама, чуть – чуть осталось, ещё две странички.

Ну, какой может быть тут сон, когда вместе с капитаном Гаттерасом ты замерзаешь на подступах к Северному полюсу. А завтра, вместе с шевалье Д'Артаньяном, будешь мчаться за бриллиантовыми подвесками, спасая честь французской королевы или вместе с Жаном Грандье по прозвищу – Капитан Сорви Голова, сражаться за независимость Республики буров.

Боже мой, какое это наслаждение в детстве, сопереживание героям удивительных книг.

Благодаря своей сестре, которая научила меня читать в 4 года, я рано пристрастился к этому увлекательному занятию. И сейчас, с высоты громады прожитых мною лет, хочу вспомнить, о тех книгах, что в детстве вершили нашими умами, вернее о некоторых из них, ибо перечисление всех произведений займёт слишком много страниц.

Мой отец, тоже страстный книголюб, привозил домой из частых командировок, различных конференций, пленумов, книги - хорошие книги, и у нас в доме была довольно приличная библиотека, которую я в дальнейшем значительно приумножил.

Первые мои детские книжки, это конечно сказки. Были такие сборники - народные сказки: Грузинские народные сказки, Татарские, Узбекские, Армянские. Заворожили меня Китайские сказки. А чемпионом были “Мифы Древней Греции”. А ещё были сказки братьев Гримм, Шарль Перро, Гауф. “Чипполино” Джанни Родари, “Буратино” Алексея Толстого (а вот “Пиноккио“ я прочёл уже в достаточно зрелом возрасте, когда купил шикарно иллюстрированное издание своим детям). Но про одну книгу хочу сказать особо. Это “Волшебник Изумрудного города” Волкова, изданную ташкентским издательством “Еш гвардия”

Мне неведомо было тогда, что сказка эта - вольная переработка “Волшебника из страны Оз” американского писателя Фрэнка Баума, да и какое это тогда имело для меня

значение. Приключения маленькой Элли и её друзей были настолько увлекательны, что я

перечитывал эту книгу много раз. Потом в газете “Пионерская правда” стала печататься с продолжением вторая часть, - “Урфин Джюс и его деревянные солдаты”, и я складывал номера газет и потом долго хранил их, чтобы иметь возможность снова перечитать. Затем продолжения “Волшебника” стали печататься почему-то в журнале “Наука и жизнь” и благодаря отцу, который выписывал огромное количество периодики, в том числе и этот научно-популярный журнал, были прочитаны и эти, выражаясь сегодняшним языком, сиквелы, триквелы

и тому подобные “велы”. Всего Александром Волковым было написано шесть произведений о Волшебной стране:

1. Волшебник Изумрудного города.
2. Урфин Джюс и его деревянные солдаты.
3. Семь подземных королей.
4. Огненный Бог Марранов.
5. Жёлтый туман.
6. Тайна заброшенного замка.

Ещё есть продолжение истории, написанное Юрием Кузнецовым — повесть “Изумрудный дождь”.

Советские писатели создавали потрясающие книги для детей. Вот книга Андрея Некрасова “Приключения капитана Врунгеля”, я ею зачитывался в детстве и сравнительно недавно перечёл снова. Вы знаете, получил несказанное удовольствие. Какой слог, какой юмор. Вот приведу несколько цитат:

«Врунгель, скажем, звучная, красивая фамилия. А будь я какой-нибудь Забодай-Бодайло, или вот ученик у меня был — Суслик... Разве я мог бы рассчитывать на то уважение и доверие, которым пользуюсь сейчас? Вы только представьте себе: капитан дальнего плавания Суслик... Смешно-с!»

«Разрешите доложить, капитан: полный штиль, барометр показывает ясно, температура наружного воздуха двенадцать градусов по Цельсию, произвести измерение глубины и температуры воды не представилось возможным за отсутствием таковой».

«Я недолго думая хватаю конец антенны — и прямо в зуб, в дупло. Боль адская, искры из глаз посыпались, но зато приём опять наладился. Музыка, правда, не слышно, да мне, признаться, тут музыка и ни к чему. Какая там музыка! А морзе зато — лучше не придумаешь: точка — кольнёт незаметно, как булабочкой, а уж тире — точно кто шуруп туда закручивает. И никакого усилителя не нужно».

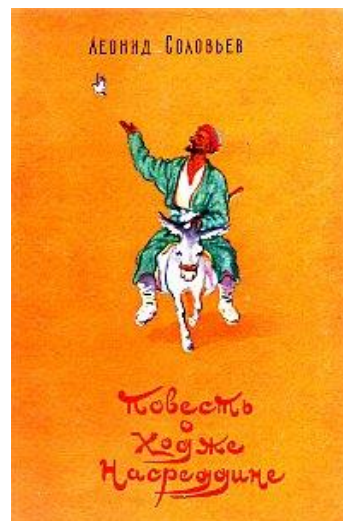
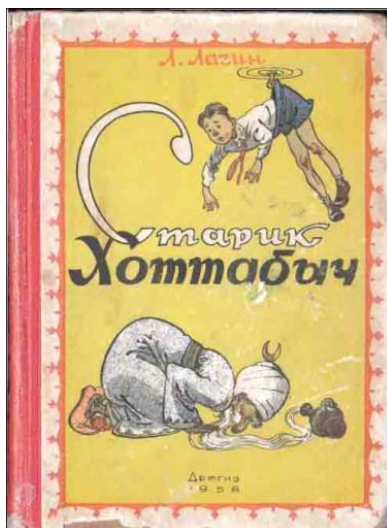
Эта уморительная повесть о нашем бароне Мюнхгаузене до сих пор переиздаётся каждый год и не только в странах СНГ, но и за пределами бывшего СССР. Чехи знают Врунгеля как капитана Жванилкина, поляки — как капитана Залганова, немцы — капитана Флюнкериха.

Или сказка Лагина “Старик Хоттабыч”, а потом чудесный одноимённый фильм, где в роли Хоттабыча снялся замечательный Николай Волков, помните его Гуссейна Гуслию в “Насреддине в Бухаре”.

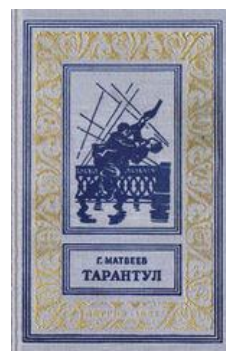
- Ну как, потряс ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих, о Вовка? - Спрашивала иногда моя сестра, когда я приходил со школы.

- Потряс – вздыхал я.

Вот упомянул протазановский фильм “Насреддин в Бухаре” и как же тут не вспомнить Леонида Соловьёва и его великую книгу “Повесть о Ходже Насреддине” Перечитайте её сейчас, и вы с горечью поймёте, что ничего, по сути, не изменилось. Повесть, «Очарованный принц», вторая часть дилогии о Насреддине была написана в лагере, где Леонид Соловьёв сидел по обвинению в “подготовке террористического акта”.

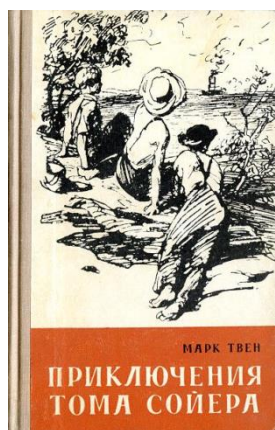
Кажется, Станиславский когда-то сказал, что для детей нужно писать так же как для взрослых, только лучше. И детские приключенческие книжки, написанные советскими писателями, ни в чём не уступали взрослым. Повести Анатолия Рыбакова “Кортик” и “Бронзовая птица” яркий тому пример.

Тайна линкора “Императрица Мария” и поиски графских сокровищ, как магнитом притягивали меня и моих сверстников к дилогии Рыбакова.

Позднее, он напишет третью часть о Мише Полякове и его друзьях, - “Выстрел”, но я её прочёл в журнале “Юность” будучи уже достаточно взрослым, и как-то она для меня немножко отдельно. Я бы ещё вспомнил, достаточно популярную тогда книжку Матвеева “Тарантул” в которой подростки помогают советским контрразведчикам обезвредить группу фашистских диверсантов, действующих в блокадном Ленинграде.

Ну, а из зарубежных авторов, конечно, нужно вспомнить Марк Твена. Том Сойер и Гек Финн. Вы, наверное, заметили, что свой рассказ я начал практически так же, как начинается роман “Приключения Тома Сойера”

Время шло, отцовской библиотеки мне стало не хватать и, будучи в первом классе, весёлой мальчишеской гурьбой побежали мы записываться в библиотеку, которая находилась на углу улиц Гоголя и Пушкинской (согласитесь, подходящее место для библиотеки). И вот там, на протяжении последующих школьных лет я прочёл всё самое-самое-самое интересное.

Одна из самых увлекательных книг прочитанных мной в возрасте 9-10 лет, это конечно “Наследник из Калькутты” Штильмарка.

Как сейчас помню ту сладостную дрожь, которая охватывала меня, когда я читал этот калейдоскоп приключений. Благородный капитан пиратской шхуны “Черная стрела” Бернардито Луис Эль-Горра, коварный мерзавец Джакомо Грелли по прозвищу «Леопард», красавица Эмили, итальянские иезуиты, испанские инквизиторы, пираты, работоторговцы, африканские негры и американские индейцы. И добро в финале, конечно же торжествует. А на обложке значилось какое то ненашенское, то же пиратское имя – Роберт Штильмарк!

В предисловии к “Наследнику” сообщалось, что роман написан группой геологов, где-то в дремучей тайге. Что длинными, тоскливыми вечерами, в свободное от геологических изысканий время, был ими придуман, а затем передан в издательство и опубликован этот приключенческий роман.

Лишь много - много позже узнали мы истинную историю его создания.

Не было никаких геологов, длинными, таёжными вечерами, от нечего делать сочинившими эту историю. Роман был придуман и написан в лагере, куда Роберт Штильмарк, журналист по профессии, попал в 1945 году за “антисоветскую агитацию”, а конкретно за то, что назвал какое-то здание в Москве «спичечным коробком», что не

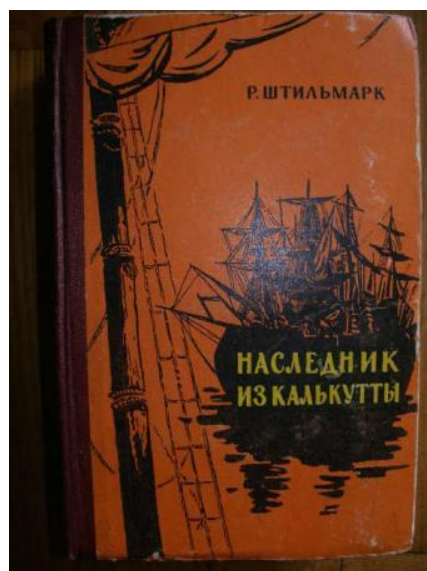
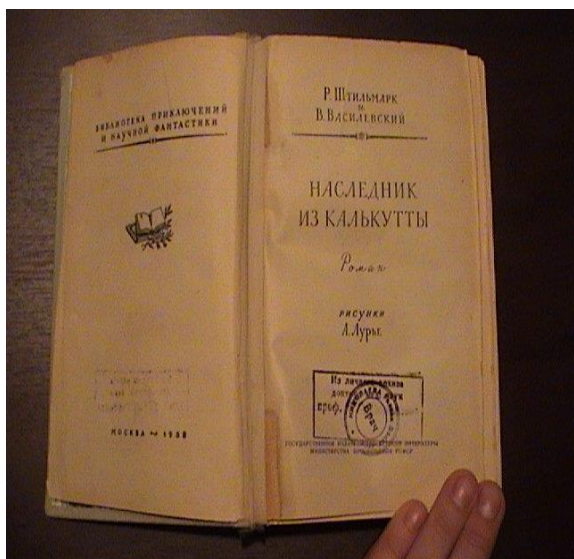
одобрял снос Сухаревой башни и Красных ворот и переименования старых городов. Роберт Александрович обладал феноменальной памятью, любил литературу и много читал. В лагере ему это очень даже пригодилось. По вечерам приведенные со стройки уголовники любили слушать длинные истории про романтические приключения выдуманных и невыдуманных литературных героев. Человек, который мог увлекательно рассказать историю назывался “звонарь “ и Штильмарк “звонарём” оказался выдающимся. Из дня в день он пересказывал им романы Фенимора Купера, Вальтера Скотта, Александра Дюма и всё прочее, что только мог вспомнить. И уголовники его за это очень даже уважали. Годы текли. Надо было вспоминать и рассказывать всё новые и новые истории. Дальше пришлось, напрягая фантазию, придумывать сюжеты самому, соединяя восточный колорит, средневековые страсти и человеческие характеры понятные ворами и убийцам. А местным паханом, авторитетом на той зоне был некто Василевский. И у него возникла идея, чтобы Штильмарк написал роман, автором которого будет якобы Василевский, он этот роман пошлёт Сталину и тот, проникшись таким незаурядным талантом, амнистирует уголовника. Василевский вызвал к себе Штильмарка и поручил ему написать приключенческий роман, поставив, кроме своего авторства ещё несколько условий. Чтоб там был обязательно лев, чтобы действие происходило не в России и не ближе 19-го века, чтоб подальше, чтоб цензура не придралась. И ещё должно было быть в романе похищение ребёнка из знатной семьи. Это самое для уголовников душещипательное. Штильмарк роман написал, выполнив все условия. Действительно есть в этом романе и похищение ребёнка, и лев промелькнул, и действие происходит в 18 веке и далеко от России. Василевский забрал рукопись, лучшие каллиграфы-зеки переписали роман в трёх экземплярах, художники-зеки сделали иллюстрации и переплели. Роман был отослан через лагерную администрацию. Однако Штильмарк зашифровал в тексте романа фразу «Лжеписатель, вор, плагиатор», имея в виду Василевского. Её можно найти, если читать первые буквы каждого второго слова во фрагменте из двадцать третьей главы. Василевский чтобы не оставлять свидетеля решил Штильмарка убить. Мало ли что будет потом, вот у меня «рóман», вот он я, вот написано «Василевский», всё в порядке. И собрал он воровской сход, но “братва” решила Штильмарка не убивать, хотя Василевский уже дал деньги убийце, и по всем воровским законам должны были убить. В это время умирает Сталин. Началась реабилитация, лагерь расформировали. Как ни странно для политического заключенного, Штильмарк оказался на свободе раньше уголовника Василевского. Вернулся он в Москву, но вскоре получил письмо из лагеря от своего “соавтора”. Тот просил раздобыть в архивах Лубянки роман “Наследник из Калькутты”, который они вместе написали, и который, он точно знает, попал из лагеря туда. Задание — получить рукопись и попытаться опубликовать роман. Василевский всё ещё надеялся, что за книгу ему скостят срок. Штильмарк роман нашёл и с помощью Маршака и

Ивана Ефремова опубликовал в “Детгизе” Вот почему в первых двух изданиях стояло две фамилии – Штильмарк, Василевский. А потом уже все издания только со Штильмарком.

В 1959 году Штильмарк через суд доказал, что он является единственным автором. На суде в качестве свидетелей выступили уголовники, которые были первыми слушателями романа. Позже об этом Штильмарк напишет автобиографическую книгу “Горсть света” в которой выведет себя под фамилией Вальдек, а Василевского — под фамилией Василенко.

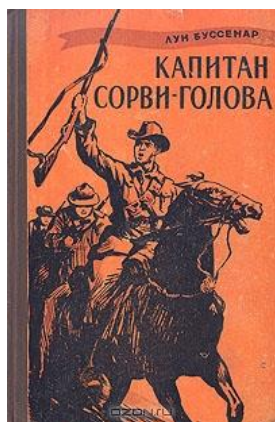
Такая вот невероятная история.

Кстати Роберт Штильмарк в 1942 году преподавал в Ташкентском пехотном училище.

Ну и конечно к пиратскому циклу, которыми мы в мальчишестве так увлекались, можно добавить Саббатини “Одиссея капитана Блада” и конечно же “Остров сокровищ” Стивенсона.

Следующий автор которым мы зачитывались – Луи Буссенар. В нашем обиходе были две книги этого классика приключенческой литературы, возможно было и больше, но нам они были не доступны.

Первая книга — это “Капитан Сорви Голова” о приключениях французских подростках, которые приезжают в Южную Африку участвовать в войне против англичан, за свободу и независимость Оранжевой республики буров.

Очень хотелось подражать этим мальчишкам, которые были чуть постарше меня тогдашнего. И вторая книга “Похитители Бриллиантов“. От этой книги невозможно было оторваться. Поиски сокровищ, погони, битвы, дикие животных и таинственная Южная Африка. Потом к этим книгам о Чёрном континенте добавились “Копи царя Соломона “Хаггарда и “Пятнадцатилетний капитан Жюль Верна”.

Ну и конечно, Майн Рид. Первая книга - “Всадник без головы”. Морис Мустангер – сильный, ловкий, храбрый, честный и благородный.

Потом отец принёс оранжевый 6-томник, который я тут же весь и прочитал, а потом пересказывал пацанам во дворе эти потрясающие истории про Оцеолу, Белого вождя, Морского волчонка, про приключения бура и его семьи в джунглях Южной Африки, про охотников за растениями. Пересказывал, представляя себя на месте благородных героев:

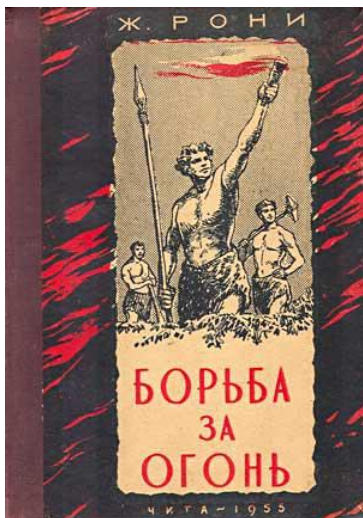
А в кипящих котлах прежних войн и смут
Столько пици для маленьких наших мозгов,
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.
И злодея слезам не давали остыть,
И прекраснейших дам обещали любить.
И друзей успокоив и ближних любя,
Мы на роли героев вводили себя.

Любопытно, что до сих пор Майн Рид популярен лишь на территории бывшего СССР, на Западе же его имя практически забыто. Вот такая информация к размышлению

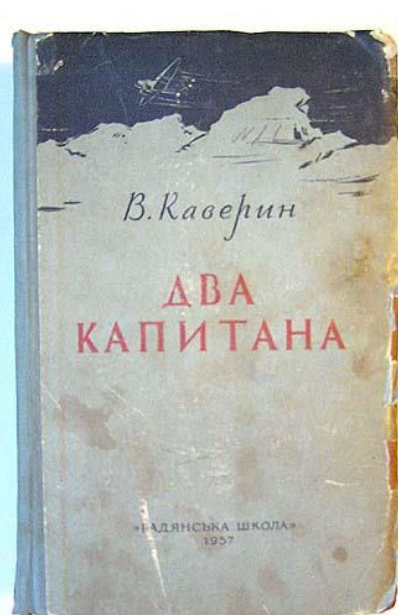
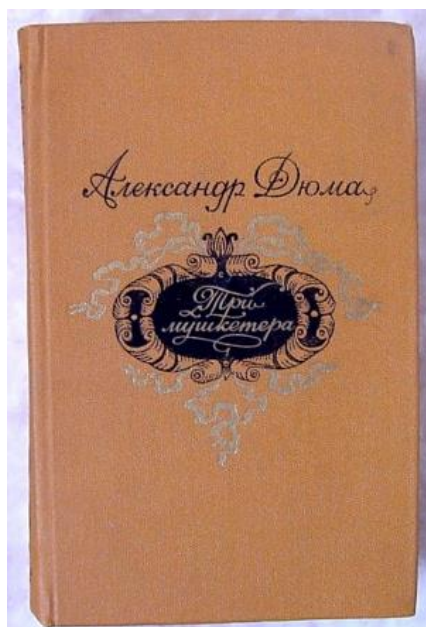

Вот такая информация к размышлению

Потом к Майн Риду добавился Фенимор Купер с Натти Бумпо и Чингачгуком. А какие приключения в каменном веке подарил мне Жозеф Рони –старший (кстати Рони-младшего я так и не прочёл) своими книгами “Борьба за огонь” и “Пещерный лев” Я до сих пор представляю первобытных людей именно так, как их описал французский писатель.

А когда мы прочли “Трёх мушкетёров”, и особенно после французского одноимённого фильма, все ребята с нашего и окрестных дворов, наделали себе из подручных средств шпаги, кто из чего сделал накидки с нарисованным мушкетёрским крестом (со шляпами, правда, было сложнее) и неистово фехтовали друг с другом, рискуя остаться без глаз (к счастью до этого не дошло). Все естественно были мушкетёрами короля, гвардейцами кардинала никто быть не хотел.

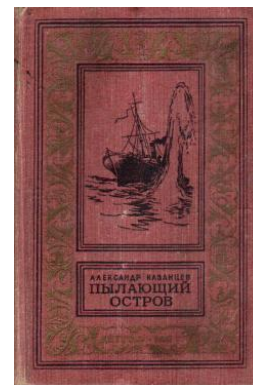
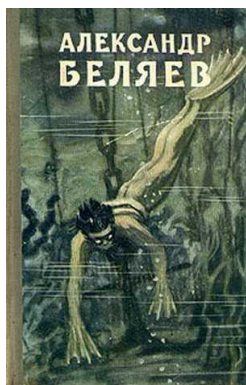
А “Два Капитана” Каверина, одна из самых любимых моих книг в детстве, я её иногда читал даже на уроках под партой. Бороться и искать, найти и не сдаваться. Символ верности делу, которому посвятил жизнь.

Прототипами главного героя, Саньки Григорьева стали два реальных человека. С одним из них Вениамин Каверин встретился в санатории под Ленинградом в тридцатые годы. Это молодой учёный-генетик Михаил Лобашов. Лобашов рассказал Каверину о своем детстве,

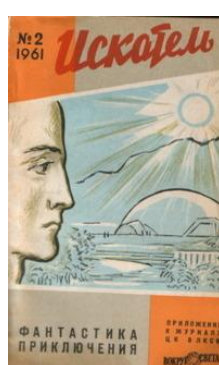
странной немоте в ранние годы, сиротстве, беспризорщине, школе-коммуне в Ташкенте (опять связь с нашим городом) и о том, как впоследствии ему удалось поступить в университет и стать ученым. Другим прототипом стал военный летчик-истребитель Самуил Клебанов, геройски погибший в 1943 году. Он посвятил писателя в тайны лётного мастерства.

У капитана Татарина тоже есть нескольких исторических прототипов. В 1912 году в плавание отправились три русских полярных экспедиции: на судне «Св. Фока» под командованием Георгия Седова, на шхуне «Св. Анна» под руководством Георгия Брусилова и на боте «Геркулес» с участием Владимира Русанова. Экспедиция на шхуне «Св. Мария» в романе фактически повторяет сроки путешествия и маршрут «Святой Анны». Внешность, характер и взгляды капитана Татарина роднят его с Георгием Седовым. Поиски экспедиции капитана Татарина напоминают о поисках экспедиции Русанова. Судьба персонажа романа штурмана «Св. Марии» Ивана Климова перекликается с подлинной судьбой штурмана «Святой Анны» Валериана Альбанова. Позже я прочёл о нём в интереснейшей книге Михаила Чванова «Загадка штурмана Альбанова». Старый фильм по книге Каверина, где Александр Михайлов играет Саньку, а гениальный Евгений Лебедев омерзительного Ромашку, я с удовольствием пересматриваю до сих пор.

А ещё была фантастика. Александр Беляев (у меня был 3-х томник) с его Ихтиандром и профессором Доуэлем, Александр Казанцев и конечно Жюль Верн.

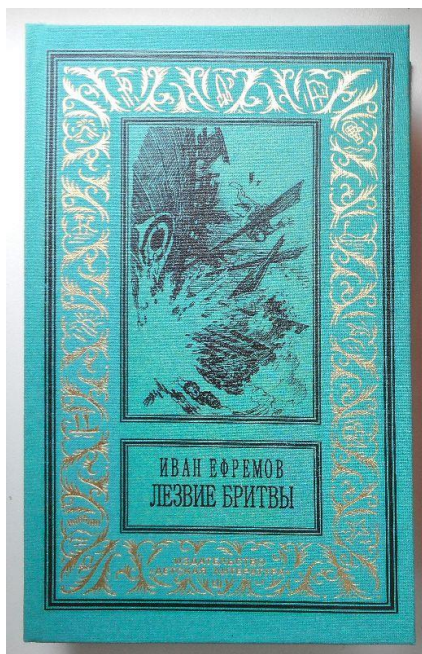
Зарубежная, в особенности американская, фантастика и великие Стругацкие пришли ко мне несколько позже, лет в четырнадцать.

А ещё были ежегодные альманахи “Мир приключений” и журнал “Вокруг света”, который отец конечно же выписывал. А какое к этому журналу было приложение. “Искатель” Выписать его было невозможно он распространялся только в розницу через “Союзпечать” Страшный дефицит.

Как-то после класса кажется 6-го, проводил я своё пионерское лето в отцовском ведомственном лагере “Энергетик”, и там пионервожатая нашего отряда пересказала нам книгу под необычным названием “Острие ножа на лезвие бритвы”, вернее отрывок про корону Александра Македонского. Вообще тогда было как-то принято рассказывать книги, там же в лагере нам пересказывали “Записки следователя” Шейнина, а в школе одна учительница младших классов на своих уроках пересказывала нам “Петровку, 38” Юлиана Семёнова, очевидно ей это было интересней. Так я впервые услышал про писателя Ивана Ефремова и приехав из лагеря замучил отца, чтобы он нашёл мне книгу про “Острие ножа”. Книга же называлась просто “Лезвие бритвы”. Замечательно сказал об этом произведении Дмитрий Быков:

“...Ефремов написал, вероятно, самое странное свое сочинение, глубоко и многослойно зашифрованный роман «Лезвие бритвы»...хитро завернутая фабула с магическим кристаллом, отнимавшим память, выдумана главным образом для маскировки. Гораздо сложнее была главная, тщательно упрятанная ефремовская мысль о том, что все великое и прекрасное в мире существует на лезвии бритвы, на тончайшей грани между диктатурой и анархией, богатством и нищетой, сентиментальностью и зверством; человек — тонкий мост меж двумя берегами, над двумя безднами. И эту-то грань предстоит искать вечно, но, если ее не искать, жить вообще незачем”.

Но я, конечно, своим тогдашним умом вряд ли мог это понять. Для меня это была в первую очередь приключения и фантастика, этот самый магический кристалл, древняя Индия с её таинственной кастой йогов и поиски легендарной короны Александра Македонского.

Теперь о другом, не менее любимом нами жанре, - детективе. Я уже как-то шутил, что первый прочитанный мной детектив был “Колобок“. Ну, а если серьёзно, то это конечно сэр Артур Конан Дойл - “Записки о Шерлоке Холмсе”. Познакомила меня с сыщиком с Бэйкер стрит, опять же любимая сестра, при довольно интересных обстоятельствах. Семья наша проживала в ЖАКТовском дворе. Кто не знает, это одноэтажные, редко двухэтажные, квартиры объединённые общим двором, с общим же отхожим местом. Двор наш тогда не был газифицирован, и жители обогревались углём. У каждой семьи был сарай, где зимой хранилось это топливо. И вот как-то, кажется

это был ноябрь, привезли нам днём с завода уголь, и свалили кучей у наших дверей. Дальше нужно было вёдрами перетаскать его в сарай. Я пришёл со школы, погода мерзопакостная - мокрый снег, слякоть. Бр-р-р. А дома трудоспособные только я и старшая сестра, родители на работе, бабушка не в счёт. Я сижу увлечённо читаю какую-то книжку и тут привозят этот антрацит. Сестра говорит,

- Идём перетаскаем.

Я ни в какую, - неохота, книжка интересная. Ну, сестра у меня тонкий психолог. Говорит,

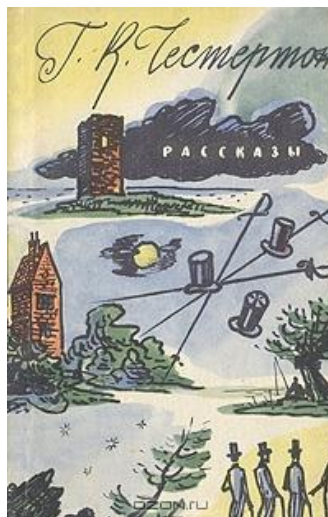
- А ты читал про Шерлока Холмса?

- Нет.

- Да ты что, вот послушай.

Берёт она книжку и начинает читать рассказ “Пляшущие человечки” Я слушаю со всё возрастающим интересом и тут, на самом интересном месте, она закрывает книжку и говорит,

- Хочешь узнать, что будет дальше? Идём сначала уголь перетаскаем. Пошла и куда-то книжку заныкала. Такой вот педагогический приём. Пришлось идти заниматься тяжёлым физическим трудом. Но это того стоило.

Потом я как-то нашёл на улице растрепанную, без обложки и без титульного листа книжку. Стал её читать и очень увлёкся. Это тоже был детектив, правда какой-то совершенно не такой как про Холмса. Но интересно было страшно. Первый рассказ назывался “Пятёрка шпаг” Преступление там раскрывал сыщик-любитель по фамилии Фишер. Ему было посвящено и несколько следующих рассказов. А потом в роли сыщика появился и вовсе непонятный персонаж, - священник, отец Браун. Позднее я узнал, что впервые познакомился с творчеством замечательного писателя Гилберта Кийт Честертон.

Ну, а в остальном, какие тогда были детективы, конечно советские. “Наша служба и опасна и трудна”. О доблестных и отважных молодых сотрудниках милиции и их руководителях: умудрённых, убелённых, но не менее мужественных генералах и полковниках. Все как один любящие мужья, заботливые отцы и деды.

Враг не ведал дурачина,
Тот, кому всё поручил он,
Был чекист, майор разведки
И прекрасный семьянин.

Преступники же все были мерзавцы с соответствующими кличками типа Тарантул или Кара-Курт. Всегда находились персонажи не до конца завязнувшие в болоте криминала и к концу книги они, под влиянием всё тех же сотрудников органов, вставали на путь исправления.

Наиболее читаемыми тогда книгами этого жанра были “Сержант милиции” Лазутина и две книжки, где действие происходит в нашем городе, - это “Лейтенант милиции Вязов” Волгина в двух частях и “Таких щадить нельзя” Мильчакова. Как мне позже рассказали знающие люди, в книге Мильчакова было много фактологического материала. Действительно в Ташкенте действовала банда грабителей-мотоциклистов в которую входил сын министра республики, действительно существовал гаишник, которого водители грузовиков облили бензином и подожгли прямо на посту. Ну и так далее.

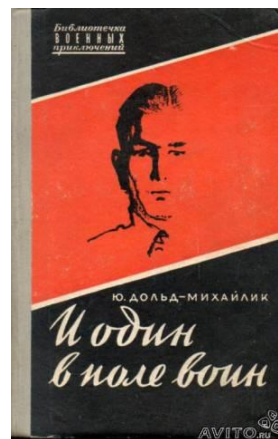

Об одной книге этого жанра хочу сказать особо. Это произведение ташкентского писателя Михаила Гребенюка “Машина путает след. Дневник следователя. Последняя встреча”. Три повести о следователе Наташе Бельской. Мог ли я тогдашний школьник, увлечённо читающий эту книгу под партой, предположить, что через много-много лет дочь Михаила Кирилловича Гребенюка Эльмира выйдет замуж за моего старшего сына Андрея и у нас с ним будет общий внук. Пути Господни неисповедимы.

Кроме детективов Гребенюк писал также стихи и фантастику. Наиболее известное его произведение в этом жанре повесть “Парадокс времени”

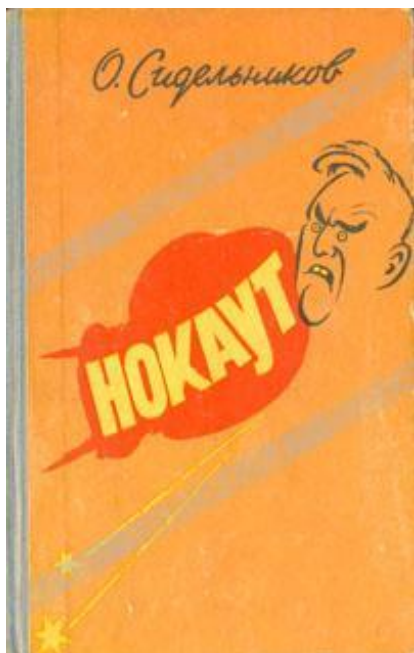
Особое место занимали шпионские детективы. Они выходили в серии “Библиотека военных приключений” Их было много, но скажу о двух самых запомнившихся. Это “Кукла госпожи Барк” Хаджи-Мурат Мугуева и “И один в поле воин” Юрия Дольд-Михайлика. По последней книге был снят фильм под названием “Вдали от Родины”. Там, наш разведчик лейтенант Гончаренко под именем барона Генриха фон Гольдринга забрасывается в глубокий немецкий тыл с заданием узнать где находится секретный подземный завод, который производит новые виды вооружения. Естественно с заданием он справляется блестяще, да ещё помогает бежать конструктору этих самых вооружений.

Финал, для нас пацанов, был потрясающим. Герой, стоя на мосту говорит какому - то немцу, после того как тот назвал его по имени.

- Вы ошибаетесь, я не барон фон Гольдринг, я лейтенант Гончаренко. И стреляет через плаш. Это было что-то. В главной роли красавец Вадим Медведев, молоденькая Кириенко, а Михаил Козаков сыграл рафинированного, лощённого фашиста, постоянно цитировавшего Ницше.

В самом конце 50-х годов в Ташкентском издательстве вышла книга Олега Сидельникова “Нокаут”. Была она страшно популярна. Во-первых это был детектив, детектив со всеми присущими этому жанру атрибутами, - американский шпион, умудрённый и убелённый полковник, мужественный капитан. Но кроме того это была сатирическая и юмористическая книга, по сути пародия. Написана она была в стиле Ильфа и Петрова, да и посвящена была им же. Появлялся там и Великий Комбинатор, правда только во сне. Люди соскучились по юмору. Когда в 50-е вновь издали Ильфа и Петрова, казалось бы забытых навсегда, страна радостно засмеялась. Поэтому и книжка Сидельникова пользовалась таким успехом.

Олег Сидельников жил недалеко от меня, как раз рядом с той библиотекой на углу улиц имени двух русских классиков. Этот дом существует и сейчас, прямо напротив бывшего гастронома “Москва”

Но, всё когда-нибудь заканчивается. Кончилось и наше детство, мир открывался всё шире и шире, горизонты раздвинулись и книги с другим содержанием, о других не менее важных вещах стали приходить на смену замечательным, любимым, но немножко наивным произведениям. “Пришли другие времена, взошли иные имена”. Пришла поэзия и проза шестидесятников. Аксёнов, Гладилин, Вознесенский, Евтушенко. Пришли настоящие мастера детектива и фантастики: братья Вайнеры и братья Стругацкие, Жорж Сименон и Айзек Азимов, Роберт Шекли и Юлиан Семёнов. Но, про одно произведение я, всё-таки, напоследок упомяну. Для меня оно было как межа между детством и взрослением. Это “Три товарища”

Ремарка. Трогательная история о любви и преданности. То ради чего и стоит жить.

Я потом много раз перечитывал этот, с моей точки зрения, самый великий роман 20 века о любви, и неизменно передо мной возникало небо желтого цвета, я слышал звук ревущего мотора, чувствовал руки друзей Готфрида и Отто, и нежный, любящий взгляд Пат.

Вот собственно и всё чем я хотел поделиться с вами, моими, я надеюсь, единомышленниками.

В качестве эпиграфа у меня строчка из стихотворения “Книжные дети” Высоцкого. Другой строчкой из этого же стихотворения я хочу и закончить.

Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем,
Значит, нужные книги ты в детстве читал.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Уже дописав эту часть, посвящённую книгам детства, понял, что без рассказа о ташкентских книголюбях, об этом массовом движении, к которому принадлежал и я, картина будет неполной.

Не знаю как сейчас, но тогда, в прошлом веке мы жили в самой читающей стране мира. И это действительно было так. Читали везде. В метро, трамваях и троллейбусах, на пляже, в очередях, в залах ожидания железнодорожных и аэровокзалах. Поэтому книга, я имею в виду хорошая книга, была в Советском Союзе большим дефицитом. Впрочем, дефицитом тогда было много чего, как из земной пищи, так и из пищи духовной.

В Ташкенте, который по праву считался, культурным центром Центральной Азии (извините за тавтологию), было множество книжных магазинов. Случалось, что дефицитные книги время от времени выбрасывались на прилавки, особенно в какие-нибудь праздники или для выполнения плана. В этом случае, они продавались с нагрузкой, т.е. к действительно интересной книге прилагалось, что-нибудь нечитабельное. Ещё были букинистические магазины, которые торговали подержанными книгами. Там, иногда можно было найти, что-нибудь стоящее, особенно если подгадаешь, когда новые — старые книги только начинали раскладывать на полках.

А ещё, можно было приобрести книжный дефицит за макулатуру. Сдал двадцать килограмм не нужной бумаги и получил, скажем, “Королеву Марго”

Но, главное место, где можно было найти практически любую книгу, была книжная “барахолка” или как говорили раньше — книжный развал. Развал этот в процессе своего развития располагался в различных частях нашего города.

Книголюбы города Ташкента собирались по воскресеньям, а затем, когда суббота стала выходным днём, и по субботам. Сначала в сквере, потом в парке Горького, а затем в районе Фархадского базара, где продавались, покупались или обменивались дефицитные книги.

Как вы уже поняли, я с детства был страстным книголюбом. И начиная где-то с 82-го года, стал постоянным посетителем книжного торжища на Фархадском базаре. Место, где собирались любители хорошей литературы, думаю, было выбрано не случайно. Находилось оно на границе двух районов, — Чиланзарского и Акмаль Икрамовского (ныне Актепинского). И если блюстители порядка одного района прогоняли книголюбов, они переходили на другую сторону, в другой район и через некоторое время раскладывали там

свои сокровища, кто на газетах, кто на клеёнках, кто прямо в руках, а кто-то носил только список предлагаемых для обмена книг. Как пел Розенбаум про “барахолку”:

Лишь вчера согнали её там -
А она уже сегодня тут
Тяжело приходится ментам:
Люди вечно что-то продают

Власти всегда подозрительно относились, да и относятся до сих пор, когда собирается большое количество народа, не организованного самой властью.

Общество, собирающееся на Фархадском было весьма специфическим. Людей в него входивших я бы разделил на три категории. Первая — это спекулянты чистой воды, которые изучили более-менее конъюнктуру, где-то найдя источник приобретения, продавали книги как товар, исключительно ради прибыли. Им было всё равно, чем торговать, просто так сложилось, что это были книги.

Справедливости ради надо сказать, что это была самая незначительная группа. Вторая группа (другая крайность) люди которые, только приобретали книги (иногда обмениваясь ими) не гонясь за прибылью, а собирая личные библиотеки. Это были, как правило, состоятельные особы. И, наконец, третья группа, к которой принадлежал и я. Это люди, которые, также собирали личные библиотеки, но, при этом, не брезговали и определённой прибылью. Впрочем, и прибыль, в основном, уходила на те же книги.

И ещё, любители книг делились по интересам. Были там интеллектуалы, которые искали Борхеса, Кафку, Пруста, Ионеско. Любители поэзии – искавшие и иногда находившие, — Пастернака, Ахматову, Цветаеву, Бодлера. Любители приключенческой и детективной литературы. Собиравшие серии. Помните, как много было книжных серий: “Литературные памятники”, “Классики и современники” (КС), “Большая библиотека поэта”, “Малая библиотека поэта”, “Зарубежная фантастика” (ЗФ), “Зарубежный детектив”, “Современный детектив”, всех не перечислишь.

Но, кроме того, что люди меняли, покупали или продавали книги, они ещё общались. Это был своеобразный клуб, где можно было обсудить все интересующие народ темы, не только литературные. А какие дискуссии там разворачивались во времена перестройки, особенно в конце 80-х и начале 90-х.

Время от времени эти собрания книголюбов подвергались различным нападкам. То сотрудники ОБХСС с помощью провокаторов брали кого-нибудь при продаже, то проводился рейд милиции, когда подгонялся автобус и забирали всех кто не успевал скрыться. Правда, после профилактической беседы всех отпускали, видимо, рейды эти

проводились для галочки. А один раз, я помню, был рейд, когда сотрудники “конторы” искали книги Солженицына. Вероятно, получили информацию из своих источников.

Но, вот пришла перестройка, и постепенно давление властей уменьшалось, а вскоре и вовсе исчезло. Самые активные участники книжного торжища создали Ташкентский клуб книголюбов, с удостоверением и членскими взносами, и уже официально, ничего не боясь, занимались любимым делом, арендуя для этого Дворец Железнодорожников, вернее его обширное фойе, где собирались по субботам и воскресеньям. Мы купили стулья и столы, и книги теперь уже не лежали под ногами, на газетах и клеёнках. Время это было самым благодатным для ташкентских книголюбов, ведь с отменой цензуры хлынуло то, что раньше мы могли прочесть, разве, что в Самиздате. Солженицын, Пильняк, Максимов, Вадимов, Войнович. Я уже не говорю про детективы, фантастику и приключенческую литературу. И, надо сказать, я влез основательно в это дело. У меня были знакомые директора практически во всех книжных магазинах. Я даже свою маму, когда она вышла на пенсию, устроил в книжный магазин на работу, благо у неё было экономическое образование. Она работала в книжном магазине на Навои, напротив ТашПИ, где директором была Тамара Дмитриевна, а товароведом Тамара Михайловна, и я называл этот магазин “Царством Тамар” Обеих Тамар уже нет, к сожалению, на этом свете.

Потом пришёл 91-й год. Эйфория прошла, и постепенно книжное братство стало скукоживаться как “шагреновая кожа”. Клуб с течением времени стал переезжать во всё менее удобные места. Сначала в книжный магазин возле метро Хамида Алимджана, потом тоже в книжный на Каракамыше, пару раз, по-моему, на ТТЗ в каком-то клубе и завершил он своё существование в середине 90-х, на танцплощадке парка Кирова, ныне Бобура. Кто-то уехал навсегда в ближнее или дальнее зарубежье, кому-то стало не до духовной пищи, кто-то покинул этот мир навсегда. Унесённые ветром.

Иногда мне снится, что прихожу в какое-то место и начинаю раскладывать книги на клеёнке. А вокруг собратья по тем удивительным субботневоскресным встречам. Мы знали друг друга только по именам, редко по отчествам, ещё реже знали фамилию. Многих помню до сих пор. Раф, работавший в аэропорту и живший на Юнусабаде, Виктор Пилипюк, Володя Мурашко, доцент Мехфака ТашПИ, уехал в США, известный всем ташкентцам Борис Голендер, собиравший книги по истории нашего края, Борис Исаевич фронтовик с окладистой бородой, многие его знали, он до последнего времени торговал книгами возле ЦУМа, Коля Лукич, не знаю где он сейчас. И многие, многие, многие.

Бумажная книга, как источник информации уходит в прошлое, я и сам сегодня в основном читаю в электронном виде. Но, иногда всё-таки беру в руки книгу бумажную, печатную и перелистывая страницы испытываю ни с чем не сравнимое удовольствие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Кино нашего детства

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кино наше

*Синематограф – вот тот мессия,
который способен изменить всё.
Он сделает нас чище, лучше.
И вот ради этого я готов принести
в жертву всё, даже собственную жизнь!*
Мистер Фёст
“Человек с бульвара Капуцинов”

Моё знакомство с кинематографом началось в очень далёком 1957 году, когда родители взяли меня в первый в Ташкенте, недавно построенный, широкоэкранный кинотеатр “Ватан”. Нет, фильмы я смотрел и раньше. В доме отдыха, где отдыхал с мамой и сестрой, возможно где-то ещё. Но запомнилось мне это довольно смутно. А тут, большой, просто гигантский, по моим понятиям экран и впечатление такое же огромное, поэтому в память врезалось довольно отчётливо.

Фильм, который мы тогда пришли смотреть, был французский и назывался - “Если бы парни всей земли”. История о том, как на рыболовном судне все заразились некой страшной болезнью, и им срочно было нужно какое-то лекарство и радиолюбители всех стран, чего-то там предпринимали, чтобы это лекарство туда доставить. Но перед фильмом показали анонс фильма “Илья Муромец”, говоря сегодняшним языком, - трейлер. Скоро, на нашем экране, смотрите, и так далее. А там богатыри, Соловей разбойник, Змей Горыныч, а мне пять лет, и

вот я весь фильм, который про это лекарство, которое никак не доставят, пытаю маму с папой, где Илья Муромец со Змей Горынычем, когда же, наконец, его начнут показывать. И когда, через какое-то время в том же “Ватане”, началась демонстрация этого совершенно потрясающего для того времени фильма Александра Птушко, меня конечно повели смотреть.

Потом там же смотрел я, конечно опять с родителями, “Дон Кихот” Мало, конечно, что понял, но сцена где бурдюки с вином превращаются в чудовищ и идадьго пронзает их мечом, меня немного напугала и поразила. А в конце фильма Дон Кихота было очень жалко.

До того, как я стал ходить в кино самостоятельно, - а это началось с первого класса, - чаще всего меня туда водила сестра. В основном это был кинотеатр “30 лет комсомола”, незабвенная “Тридцатка”, благо находилась она в полутора кварталах от нашего двора. А летом конечно “Хива” и “Фестиваль” кинотеатры на открытом воздухе. Какие запомнились картины. Вот чешский шпионский детектив “Поющая пудреница” сильное впечатление на меня произвел, ну ещё бы, там три друга-подростка стали снимать какой-то любительский фильм и однажды увидели в парке на скамейке человека с кем-то разговаривающим, хотя вокруг не было ни души. Они стали за ним следить и разоблачили шпионов, которые охотились за каким-то секретным изобретением. Или “Капитан “Старой черепахи” где чекисты Одессы ловили контрабандистов и контриков.

“Ловцы губок“ - первый фильм, на который я пошёл без сопровождения взрослых, сам в кассе купил билет и очень этим гордился. Фильм оказался о тяжёлой судьбе водолазов, собирающих губки на дне моря в условиях капиталистической эксплуатации. Главный герой в результате кессонной болезни (там хозяин судна чего-то нахимичил с часами, и он провёл под водой вдвое больше времени) стал инвалидом и в конце фильма от безысходности погружается в воду и перерезает кислородный шланг. С тяжёлым сердцем выходил я из кинотеатра. А как я переживал, смотря первый раз “Последний дюйм” по рассказу, напрочь ныне забытого Джеймса Олдриджа. Фильм о мужестве, о преодолении страха, а ещё о безграничной любви сына к отцу. И какая там была потрясающая песня. «Какое мне дело до всех до вас, а вам до меня...».

А ещё подводные съёмки, которые тогда были в диковинку.

Каждый день в школу мне давали деньги на обед, но я каждый раз старался сэкономить, чтобы потом заплатив полтора или два рубля пятьдесят копеек (до 61-го года), в зависимости от времени сеанса, погрузиться в волшебный мир кино. Сначала, конечно сказки. У нас в стране были замечательные киносказочники, - Александр Роу, Александр Птушко, Надежда Кошеверова и позже Ролан Быков.

Какие они снимали киносказки. Вспомните: “Марья искусница”, “Морозко”, “Садко”, “Вечера на хуторе близ Диканьки”, “Королевство

кривых зеркал”, “Алые паруса”, “Айболит-66”. А после сказок, фильмы про шпионов и милиционеров. Ну, что может быть увлекательнее. Борьба наших мужественных героев против негодяев шпионов и бандитов. Замечательный фильмы “Тайна двух океанов” с Игорем Владимировым и Павлом Луспекаевым и “Дело Румянцева” с “брутальным”, как сказали бы сейчас, Алексеем Баталовым, одни из самых ярких представителей этого жанра.

В 1965 году в “Роман – газете”(был такой литературный журнал) я прочёл роман Кожевникова ‘Щит и меч’, а вскоре вышел и одноимённый фильм Владимира Басова, который, на мой взгляд, значительней первоисточника. Может быть за счёт потрясающего актёрского состава. Свои первые роли там сыграли, Станислав Любшин и Олег Янковский, будущие великие русские актёры. А ещё Алла Демидова, Юозас Будрайтис, Валентина Титова, Николай Засухин, Вацлав Дворжецкий, Людмила Чурсина, перечислять очень долго, да и сам Владимир Басов сыграл в своём фильме небольшую роль Бруно.

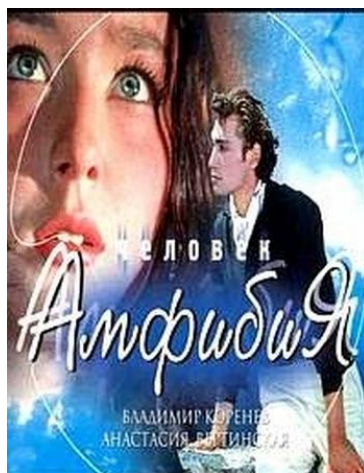
А немного позднее вышел не менее замечательный фильм “Ошибка резидента” с Георгием Жжёновым, Михаилом Ножкиным и песней про певунью. Песня эта моментально вошла в мой репертуар дворового исполнителя-семиструнщика.

А какой трогательный был фильм “Ко мне, Мухтар”? Разве можно сравнить его с тем современным Мухтаром, который ныне показывают по НТВ или даже “Комиссаром Рексом”.

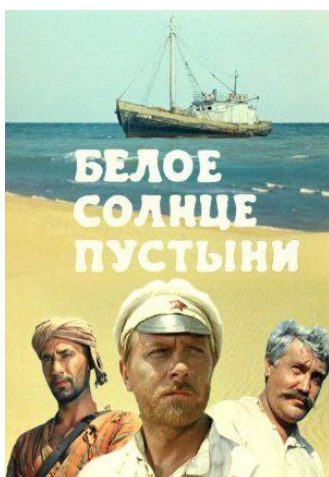
Чисто приключенческими или фантастическими картинками, советский кинематограф нас не очень баловал, и когда на экраны вышел фильм “Человек – амфибия” это было сродни термоядерному взрыву. Какие очереди стояли в кинотеатры. И опять одного просмотра нам было мало, и мы снова и снова с разными ухищрениями прорывались в кинозал, чтобы опять и опять сопереживать Ихтиандру и Гуттиэре, презирать и ненавидеть Педро Зуриту. Музыка

Андрея Петрова, -это был его дебют в кино, - и две замечательные песни, одна из которых “Эй, моряк”, в стиле буги-вуги моментально ушла в народ. На нашей улице жили сёстры-близняшки Кухаренко (имён, к сожалению, не помню). Года на три-четыре постарше меня, они были, что называется оторвы. Дерзкие, хулиганистые, занимались велоспортом. И вот помню, в первый же вечер, того дня, когда в “Тридцатке” пошёл этот фильм, блокбастер, как бы сейчас сказали, они дефилировали по нашей улице и громко орали, - “Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно. Там бы, там бы, там бы, там бы пить вино”

Какой мальчишка не любит фильмы про ковбоев. Риторический вопрос. Благородные герои в широкополых шляпах, без промаха стреляющие из своих “кольтов” и метаящие ножи, скачущие по прериям и пампасам на своих благородных мустангах, “злодея слезам не дающие остыть” и как награда в конце обретающие любовь белокурых красавиц. Это всё называется вестерн. И вот в 1966 году выходит наш отечественный вестерн, а вернее истерн, всё таки восток - “Неуловимые мстители” В нем было всё, что мы так ценили – драки, погони, перестрелки, верная дружба и конечно юмор (один только Крамаров чего стоил, да и Борис Сичкин в роли Касторского был неподражаем). “А вдоль дороги, мёртвые с косами стоят. И тишина...” Не было там, правда белокурых красавиц, но нам оно и не очень тогда было надо.

А уже на исходе моего отрочества, я только закончил школу, вышел ещё один истерн “Белое солнце пустыни”.

История создания этого фильма, сама похожая на детективный сюжет, я думаю известна всем, ну а кому неизвестно, может прочитать в Википедии, там довольно подробно написано. И как режиссёры менялись, а потом и актёры то же, и как Луспекаев совершил актёрский подвиг сыграв на протезах все сцены с драками, и как комиссия Госкино картину не приняла и постановила смыть, и как случайно она попала на дачу Брежневу и он посмотрев пришёл в полный восторг и фильму тут же дали высшую категорию. Ну и то, что у наших космонавтов фильм этот вроде талисмана. А песня Окуджавы давно стала не просто песней.

Ну, и конечно, комедии. Наверное самый любимый киножанр. В 1961 году выходит фильм “Человек ниоткуда” по жанру - комедийный, сатирический и фантастический. Нам, мальчишкам фильм понравился безумно. Сатирическую составляющую мы тогда понимали не очень, но вот то, что фантастика и комедия, это было главным. Сняли его из проката очень быстро. В отличие от нас, Суслову картина не понравилась, газеты фильм тут же раскритиковали, Шуров и Рыкунин спели куплеты на злобу дня:

На «Мосфильме» вышло чудо

С «Человеком ниоткуда».

Посмотрел я это чудо —

Век в кино ходить не буду!

И фильм надолго положили на полку, до 88-го года. Эльдар Рязанов, великий мастер кинокомедий, только мы тогда не задумывались, кто конкретно снимает фильмы, да и роль режиссёра представляли себе слабо. Но настоящий фильм, подлинное искусство конечно отличали сразу, поэтому следующий фильм Мастера “Гусарская баллада” имел у нас успех оглушительный.

Пересматривали по несколько раз. А песню про Анри четвёртого моментально выучили и дружно распевали:

Жил-был Анри Четвертый,
Он славный был король,
Любил вино до черта,
Но трезв бывал порой.

Вообще, песни из кинофильмов моментально уходившие в народ, тема большая и требует отдельного разговора.

Летом 1966-го года, я как ребёнок (было мне 14, но считалось, что всё равно ребёнок), пострадавший от ташкентского землетрясения был отправлен в посёлок Рощино Ленинградской области, в пионерский лагерь “СЭВЭнергострой” Тогда, практически всех детей вывезли из Ташкента и распределили по самым лучшим детским здравницам по всей

нашей огромной стране. Лагерь наш находился в хвойном лесу на берегу озера, место изумительное, говорят, сейчас там понастроили коттеджи питерские хозяева жизни, но речь не об этом. В лагере я сдружился с двумя замечательными ребятами, ленинградцами – Сашей Александровым и Сашей Дементьевым, к сожалению, не знаю, что с ними стало потом. Так вот, во время пересменки они уехали домой, а мы, ташкентцы, остались в лагере. Через несколько дней они вернулись, и взахлёб, перебивая друг друга, в лицах, рассказали мне содержание новой комедии “Берегись автомобиля”.

Они были в таком восторге, и так подробно, со всеми цитатами рассказали мне этот фильм, что когда, приехав в Ташкент, я пошёл его смотреть, содержание уже знал. Но удовольствие, тем не менее, получил огромное. Ещё бы, комедия, детектив, вернее больше пародия на детектив в одном флаконе. Да плюс опять актёрский состав.

А вот комедию “За двумя зайцами”, я смотрел в кинотеатре “Мир”, что находился в

Шумиловском городке. В этом районе Ташкента жили мои бабуша и дедушка и я там довольно часто бывал, на выходных или на каникулах. С местными ребятами играл, купался в речке Кара-Су и конечно ходили в ближайший кинотеатр. Там же, кстати, в весьма молодом возрасте, лет 11-12 я посмотрел в компании сверстников “Развод по – итальянски” с Марчелло Мастоияни и Стефанией

Сандрелли, сзади нас сидели какие – то дамы и всё время возмущались, как это детей могли пропустить на такой фильм. А однажды мы поехали в гости к бабушке с дедушкой вместе с мамой. Сойдя с 5-го автобуса шли мы мимо кинотеатра и я увидел афишу фильма “Оливер Твист” и уговорил маму пойти в кино. Мама купила билеты, мы зашли в зал и посмотрели фильм “Воскресение” с Матвеевым и Сёминой. Перепутали сеансы. Мама была очень довольна, чего не скажешь обо мне.

Но я отвлёкся. “За двумя зайцами”, - замечательная комедия снятая на киностудии Довженко с блистательным Олегом Борисовым. Между прочим, режиссёр этого фильма Виктор Иванов, снял на той же киностудии фильм “Улица тринадцати тополей” Очень трогательный фильм о Ташкенте, землетрясении и любви. Любви украинского хлопца Остапа и узбекской девушки Мастуры.

А вот две совершенно блистательные комедии, снятые двумя выдающимися режиссёрами, которые ни до, ни после этих фильмов комедий не снимали. Это “Верные друзья” Михаила Калатозова, через некоторое время снявшего “Летят журавли” и “Полосатый рейс” Владимира Фетина, режиссёра таких фильмов как “Донская повесть”, “Вириная”, “Сладкая женщина”.

Автор сценария “Верных друзей” о приключениях трёх старых товарищей на плоту, - Александр Галич, и когда у него начались трения с властью и он был вынужден эмигрировать, его фамилию тут же вырезали из титров.

Но хоть фильм сохранился и его показывали иногда. Меньше повезло тем фильмам где перед властью провинились актёры, фильмы изымались из проката и клались на полку. Яркий пример Юлиан Панич, замечательный актёр немного смахивающий на Жана Марэ. Стоило ему покинуть в 72-м году СССР и все его фильмы тут же исчезли. А ведь среди них был весьма неплохие. “Педагогическая поэма”, “Разные судьбы” и опять же комедия “Осторожно бабушка” с Фаиной Раневской и Ариадной Шенгелая.

Наверное никогда в жизни я так не смеялся, как во время просмотра “Полосатого рейса” Смотрел я его в компании друзей в “Тридцатке” и минут за двадцать-тридцать до сеанса, стоя в фойе мы слушали гомерический хохот доносившийся из зрительного зала, а потом когда постепенно выползли зрители предыдущего сеанса и начался наш сеанс сами стали содрогаться в конвульсиях смеха. Между прочим режиссёр фильма Владимир Фетин – сын немецкого барона Фетингофа, вынужденного из-за понятных обстоятельств сделать обрезание своей фамилии.

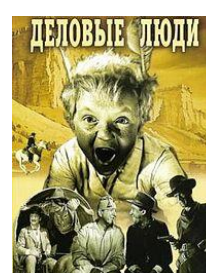
Ещё были замечательные комедии “Неподдающиеся” и “Три плюс два”

Две кинокомедии где я впервые увидел Высоцкого, не зная ещё, что это ВЫСОЦКИЙ. Великого Поэта я открыл несколько позже, о чём ниже. А комедии эти – “Штрафной удар” и “Карьера Димы Горина”

Ну и конечно комедии Гайдая. Опять же по несколько раз бегали мы в родную “Тридцатку” чтобы ещё раз посмотреть “Операцию Ы” и “Кавказскую пленницу” А вот тоже гайдаевский фильм “Деловые люди” я смотрел не то в “Хиве”, не то в “Фестивале”. Пошли мы туда с моим другом, одноклассником и соседом по улице Валерой Нойкиным и его дедом полковником Мусаиловым.

Совершеннейший шедевр разошедшийся на цитаты:

“Мне очень жаль Боб, но Боливар не выдержит двоих”

“Успеем добежать до Канадской границы”

“А куда смотрит президент?”

Вот в принципе, о комедиях, отечественных комедиях, всё, что помню. О зарубежном кино, и в частности зарубежных комедиях поговорим отдельно.

А нет, вот ещё вспомнил замечательную комедию. “Двенадцатая ночь” Шекспир, Лучко, Медведев, Ларионова, Бруно Фрейдлих, Меркурьев, Лукьянов, Яншин, Вицин, Филипов. Просто праздник какой-то. Мандрапа пупа, мандрапа па.

А ещё были фильмы революционно-патриотические, были они не менее талантливые, и в главных ролях снимались там очень красивые, харизматические актёры. Вот два фильма с с тогдашним кумиром, как бы сейчас сказали, - секс-символом – Олегом Стриженовым. Это “Овод” и “Сорок первый” Овод, поставлен по одноимённому роману Этель Лилиан Войнич, но говорят ей фильм не понравился, якобы она сказала, что совсем не это имела ввиду. А нам понравился. Как мы переживали сцену побега Овода-Артура, когда он обессиленный падает в двух шагах от свободы.

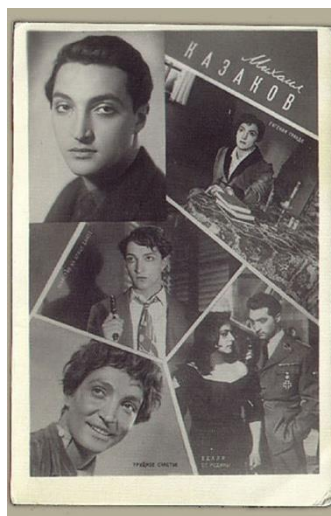
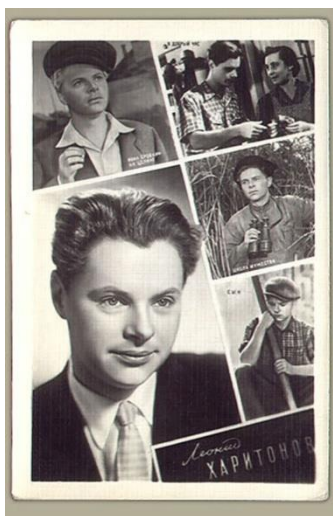
“Сорок первый” – гениальный фильм Григория Чухрая. Я до сих пор удивляюсь как Чухраю удалось снять, такой фильм, с таким акцентом. Очевидно повезло с временем. Ни до, ни после не получилось бы. Ибо в фильмах которые снимались до и после Чухраевского, если белый — то сволочь, гад и негодяй, а если красный — то образец в труде и в бою. Здесь же вообще нет положительных героев. И какая разница белые или красные появляются в конце. Трагедия неизбежна. Это, на мой взгляд, лучший фильм о Гражданской войне, сейчас такой то же не снимут. Акценты поменялись на прямо противоположные. А работа оператора Сергея Урусевского просто запредельна. Олег Стриженов запомнился ещё в экранизации Достоевского “Белые ночи” в роли Мечтателя.

Кроме Олега Стриженова, секс-символами того времени были Вячеслав Тихонов, Василий Лановой, Алексей Баталов, Николай Рыбников, Георгий Юматов. Девочки наши, сверстницы и одноклассницы, очень увлекались харизматичными актёрами-мужчинами. Смотрели по несколько раз фильмы с участием своих кумиров, собирали фотографии и

буклеты, грезил по ночам. Да, вот ещё один кумир – Леонид Харитонов. Помните эпизод фильма “Москва слезам не верит”, открытие Дней французского кино. Харитонов играющий сам себя подкатывает на “Победе” и поднимается по ступенькам сопровождаемый восторженным шёпотом зрителей, - “Харитонов, Харитонов”

Много, много прекрасных актёров рождала советская земля. Нельзя не вспомнить Юрия Яковлева, блистательно сыгравшего Мышкина в “Идиоте” и поручика Ржевского в “Гусарской балладе”. Ещё был Михаил Козаков, гениальный актёр, красавец, но играл всегда отрицательных героев. Как сыграл мерзавца в дебюте, в фильме Ромма “Убийство на улице Данте”, так и продолжал, то Педро Зурита, то фашист-садист, то работорговец в “Евгении Гранде”

По работам в кино того времени, чемпион был, я думаю Тихонов, как по количеству сыгранных им ролей, так и по качеству, то есть популярности картин где он сыграл. “Дело было в Пенькове”, “Мичман Панин”, “Чрезвычайное происшествие”, “Жажда”, “Две жизни”, “Оптимистическая трагедия”, “Война и мир”, “Доживём до понедельника” Что ни фильм, то жемчужина.

“Доживём до понедельника” самый мой любимый фильм, смотрел и буду смотреть его много раз, потому что этот фильм немножко и про меня. А до этого замечательный был фильм о школе - “Друг мой Колька”, дебют Александра Митты. Савелий Крамаров уморительно

распевал, модную тогда “Мамайокеро” и вероятно впервые в кино прозвучала пнсня Булата Окуджавы. Опять же про школу, сильный фильм “А если это любовь?” С Жанной Прохоренко и совсем юными Андреем Мироновым и Евгением Жариковым.

А когда вышел фильм Бондарчука “Война и мир” мы как раз проходили роман Толстого в школе, в 9-м классе и учительница литературы Евгения Михайловна повела весь наш класс в Панорамку.

Детство и отрочество наше проходило во времена Хрущёвской оттепели, и даже после снятия Никиты Сергеича, морозы наступили не сразу, а по инерции ещё снимались достойные фильмы, например картина “Мне 20 лет” Марлена Хуциева, ставшая манифестом шестидесятников. В кино пришла новая

литература и в частности тогдашний кумир молодёжи Василий Аксёнов. Два фильма снятые

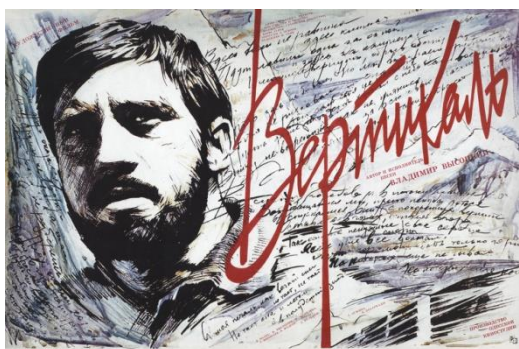
по его произведениям очень сильно затронули струны наших юных душ. “Коллеги” и “Мой младший брат” Чистые и честные фильмы о той молодёжи, о племени мечтателей, о времени “физиков” и “лириков” “Коллеги” очень сильно напомнили мне трёх товарищей Ремарка, вернее наоборот, Ремарка-то я позже прочёл, но, скорее всего, Аксёнов был под влиянием этого великого романа когда писал “Коллег” Здесь тоже о верной дружбе, самопожертвовании и любви трёх друзей в исполнении молодых Ливанова, Ланового и Онуфриева.

“Мой младший брат” - о метаниях молодых ребят и попытке найти себя в жизни, стал кинодебютом, сразу четырёх замечательных актёров, - Миронова (если не считать эпизодическую роль в “А если это любовь?”), Даля, Збруева и Ефремова. И потрясающая музыка Таривердиева. А жаргонные словечки из этих аксёновских фильмов сразу вошли в нашу речь.

- Ну, как дела старичок.
- Да так, как-то.
- Держи хвост пистолетом.

Как-то, году в 66-м, зять мой Валера Аракелов, вернувшись из Москвы, сообщил, что появились новые исполнители самодеятельной песни (тогда не было термина авторская или бардовская) - Высоцкий и Ким, и они по популярности опережают Окуджаву. И мне, во-первых стало очень обидно за Булат Шалвовича, потому что Окуджава для меня тогда был как Божество, я знал все его песни и пел их в школе и во дворе под гитару, и во-вторых почему то я решил что Высоцкий и Ким это дуэт. Помню, я тогда резко, с юношеской запальчивостью, сказал, что Окуджава великий поэт и он вне моды, он всегда будет популярен. Но фамилии эти я запомнил. Потом, конечно, выяснилось, что и как актёра я Высоцкого видел и в уже упомянутых мной комедиях, и в “Увольнении на берег”, и в “713-й просит посадки”. Да и песни, как оказалось, я слышал. У отца были записи, не очень качественные правда, где неизвестный мне человек пел “Тот, кто раньше с нею был”, “Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела”, “Зека Васильев и зека Петров”, “Стоит камень в степи” и т.д. И вот оказывается это и был Высоцкий.

Ну, а потом вышел фильм “Вертикаль” смотрел я его в кинотеате “Мир”, а вот почему именно там, уже и не помню. Потом я услышал его песни в исполнении Валеры Нисенбойма, с которым приятельствовал, потом появились первые записи. А затем уже я не пропускал ни один фильм с его участием, особенно если он там ещё и пел. Когда Таганка приехала в Ташкент, в 72-м кажется, я посмотрел все спектакли с его участием и был на концертах, когда он приезжал в Ташкент.

Сразу за фильмом “Вертикаль” вышел фильм “Короткие встречи”, его я уже смотрел в родной “Тридцатке”, а потом документальный фильм ленинградской студии, “Срочно требуется песня” где Высоцкий пел “Парус”

Первую часть на этом заканчиваю. Прекрасно понимаю, что не все фильмы я вспомнил, прошу покорно меня простить и вспомнить что сказал сказал Козьма Прутков, - “Нельзя объять необъятное”. А теперь о кино зарубежном.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кино не наше

Люди приходят в кино,
чтобы разделить одну и ту же мечту.
Бернардо Бертолуччи.

Самые любимые фильмы в моём детстве это те, где сверкали клинки.

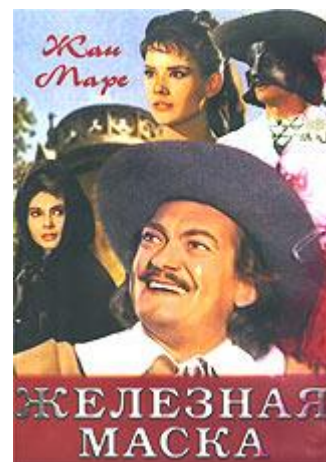
Шпаги звон, как звон бокала
С детства мне ласкает слух.

В этом отношении французские фильмы были вне конкуренции. “Фанфан Тюльпан” первый фильм в этом жанре, увиденный нами. Весёлая история о приключениях французского повесы блестяще владеющего шпагой, не лезущего в карман за словом, не горящего в огне и не тонущего в воде. Герой, которому хотелось подражать. Помните замечательный фильм Элема Климова «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен»? Пионеры 60-х, мои ровесники, в летнем лагере с восторгом следили за искромётными приключениями Фанфана. Ограждая нравственность, пышную грудь Джинны Лолобриджиды укрывают от взоров неокрепших душ, с помощью какой-то картонки, вызывая рёв и свист маленьких зрителей.

Потом появились “Три мушкетёра”. К тому времени книгу я уже прочёл и с нетерпением ожидал увидеть её экранное воплощение. И вот в зале кинотеатра “Искра” (именно там я впервые увидел фильм) погас свет, и всё оказалось точно как в книге, ну, может с небольшими сокращениями и отступлениями. Д’Артаньян - дуэлянт, интриган, любовник, мушкетёр со смеющимися глазами, могучий Портос, благородный Атос, таинственный красавец Арамис, холодная и безжалостная Миледи, захватывающие погони, драки и поединки. В общем, сплошные эмоции и восторг. Потом уже в “Тридцатке” посмотрел снова, потом ещё раз. Потом все пацаны из окрестных дворов понаделали шпаги из подручных материалов и усердно ими размахивали, рискуя остаться без глаз и воображая себя, естественно, мушкетёрами короля. У нас в классе учился мальчик, Вова Быкадоров, обладающий большим художественным талантом, он прекрасно рисовал и лепил. Так он изваял из пластилина целую галерею персонажей фильма. Здесь были и мушкетёры, и гвардейцы, и Миледи и кардинал. Мы были в восхищении. Через какое-то время вышла вторая часть, - “Мечь Миледи”, первая называлась – “Подвески королевы”. И всё пошло по второму кругу.

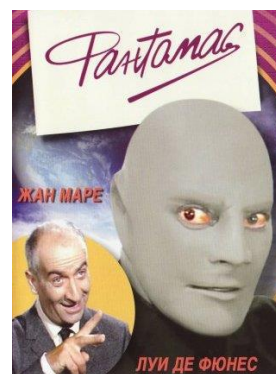
А потом появился фильм “Железная Маска” и мы подумали, что это продолжение “Трёх мушкетёров”. Однако к “Виконту де Бражелону” картина эта имела мало отношения.

Из мушкетёров остался только Д'Артаньян в исполнении нашего тогдашнего кумира Жана Марэ, всё время восклицавшего, - “Видели бы вы меня 20 лет назад”, да таинственный узник в Железной маске, судьба которого в фильме оказалась намного благополучней чем в книге. Но, тем не менее, фильм понравился. Недавно посмотрел его снова по каналу ТВЦ, и, знаете, получил огромное удовольствие. Правда сейчас, старые фильмы показывают, в основном, с закадровым переводом, тогда как мы смотрели дублированные и часть очарования пропадает. Дублировали замечательные актёры, мастера дубляжа. Д'Артаньяна и многих-многих героев зарубежных фильмов дублировал, к примеру, Артём Карапетян, - какой голос был.

К этим фильмам жанра “плаща и шпаги” можно ещё добавить “Скарамуш” по книге Саббатини, где заглавного героя играл Жерар Барре, тот, что сыграл Д'Артаньяна и немецкий фильм “За мной, каналы”, похожий сюжетом на “Фанфана –тюльпана”

Ну, раз уж я вспомнил Жана Марэ, скажу, что все фильмы с его участием вышедшие в советском прокате, неизменно сопровождались огромными очередями в билетные кассы. Наибольшим успехом пользовались три фильма, - Граф “Монте Кристо”, “Парижские тайны” и конечно трилогия о Фантомасе. “Фантомас” просто невероятной популярностью пользовался. Комедия, детектив, фантастика и уморительно смешной комиссар Жюв. А Кенигсон гениально продублировал Луи де Фюнеса, и если я потом смотрел какой-нибудь фильм с Фюнесом и его дублировал кто-то другой, уже было не то.

Фильмы про Анжелику, которые в то время считались верхом эротики, у нас показали в каком-то странном порядке. Сначала показали третью часть – “Анжелика и король”, мы её с ребятами смотрели в Панорамном, как раз в том возрасте, когда

просыпается интерес к противоположному полу, потом с небольшим промежутком первую часть, потом, опять же с промежутком вторую, а 4-ю 5-ю объединили под одним названием “Неукротимая Маркиза” и прошла она у нас уже в 80-е.

“Седьмое путешествие Синдбада”, - американский фильм – сказка по мотивам “1001-й ночи”- сейчас, рядом с современными компьютерными киноэффектами, кажется лубочной картинкой, но для

нас, пацанов, это был хит. Жуткий Циклоп, гигантская птица Рух, увлакивающая матросов на прокорм своим птенцам, скелеты, сражающиеся на саблях, гигантский дракон, и Синдбад, преодолевающий все опасности, чтобы спасти принцессу. Просто дух захватывало. Потом ещё был английский фильм “Миллион лет до нашей эры”. Там тоже были различные монстры, - динозавры, птеродактили, гигантские черепахи. Говорили там персонажи на какой-то тарабарщине, но всё было понятно. Фильм был, в общем-то, далёк от исторической правды, но нам нравилось, ведь там были и опасности, и приключения, и любовь, и мужество. А хорошие исторические картины мы тоже любили. Вот на американский фильм “Спартак” с Кирком Дуглас, тоже бегали по несколько раз. И также под впечатлением наделали мечи, щиты и устраивали гладиаторские бои. Как и после польского фильма “Крестоносцы” снятого по роману Сенкевича.

Детям вечно досаден

Их возраст и быт,

И дрались мы до ссадин,

До смертных обид.

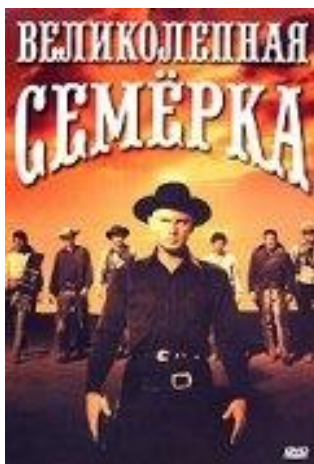

Летом 1960 года я отдыхал в ведомственном отцовском лагере “Энергетик”, который находился на территории нынешнего Чиланзара, а точнее на Чапанате. Тогда это было далеко за городом. Мои школьные каникулы, на протяжении нескольких лет чётко делились на три части. Один месяц я был в “Энергетике”, один месяц отдыхал где-то с

родителями, а один дома или у бабушки с дедушкой в Шумиловском городке, а когда сестра вышла замуж, уезжал к ней в Самарканд.

Так, вот, не то июль, не то август, я в лагере и приезжают меня навестить родители и сестра. Так называемый “родительский день” (опять вспоминается фильм Климова, там всё точно). И вот сестра мне рассказывает, что в городе идёт совершенно потрясающий фильм - “Великолепная семёрка” и пересказывает некоторые моменты. Всё, до конца смены я ни о чём больше не думал, как побыстрее оказаться дома и рвануть в кинотеатр на этот ковбойский фильм. И вот этот миг настал, я в городе, но о ужас, “Великолепная семёрка” уже нигде не идёт. Как я переживал, Боже мой. Практически все мои друзья фильм видели, Вовка Быкадоров вылепил из пластилина всех семерых ковбоев, всех 42-х членов банды Кальвера, и даже с десяток крестьян, а я выражаясь сегодняшним языком – “лох” К счастью через несколько месяцев фильм пошёл повторно и я наконец увидел этих великолепных парней.

Американских вестернов, нам больше не показывали до 72-го года, когда вышел фильм “Золото Маккены”, зато досыта накормили вестернами гэдэровскими с Гойко Митичем. “Виннету”, “Чингачгук большой Змей” и т.п.

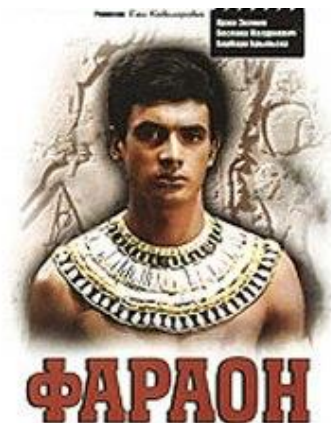

Очень мощным был в то время польский кинематограф. “Первый день свободы” с красивейшей Беатой Тышкевич, “Пепел” и “Пепел и алмаз” со Збигневым Цыбульским, - легендой польского кино. “Фараон” с молодой Барбарой Брыльской. Сцена где она совершенно обнажённая в храме, бросала нас подростков в сладостную дрожь.

Очень хороший детектив, опять же с Цыбульским, - “Девушка из банка”

Детективные и шпионские фильмы, конечно, тоже пользовались у нас большим успехом. Баловали нас, в основном, кинематографической продукцией стран социалистического содружества. Немецкими, румынскими, югославскими, польскими. Увлекательный был фильм “Особняк на Зелёной” В этом особняке якобы помогали людям,

не желающим жить в коммунистической Польше, переправиться на Запад. На самом деле убивали и всё добро присваивали. Но ещё зачем-то убивали таксистов которые привозили бедолаг в этот особняк. Жуть. Но доблестная польская милиция с помощью одного смелого таксиста разоблачает жестоких и коварных преступников. И почему-то всё время идёт дождь, очевидно для соответствующей атмосферы. В роли отважного таксиста снялся Станислав Микульский, будущий “Капитан Клосс”

Но иногда попадали на наши экраны действительно сильные вещи. Вот французский фильм “Кто вы, доктор Зорге”, открыл нам нашего замечательного разведчика. Впрочем не только нам. Выяснилось, что даже Хрущёв ничего о нём не знал и после просмотра велел присвоить звание героя. Большое впечатление произвели на меня два американских фильма снятых в жанре - “судебный детектив”, впоследствии наиболее любимого мной. Это “Свидетель обвинения” по пьесе Агаты Кристи, с Марлен Дитрих в лавной роли и “12 разгневанных мужчин”.

Замечательные фильмы. “Свидетель обвинения” снял Билли Уайлдер, сделавший впоследствии одну из самых моих любимых комедий - “В джазе только девушки”(о ней речь ниже). А сравнительно недавно я посмотрел его “Сансет бульвар” и окончательно утвердился в том, что Уайлдер гений.

Конечно любили мы итальянские фильмы, - такой сладкий запретный плод. На них, как правило детей до 16-ти не допускали, но мы всевозможными хитростям умудрялись проникать. Картина “Рокко и его братья” привлекла нас исключительно сценами бокса и трагическим финалом. Любовная часть, тогда нас как-то мало волновало. То что Анни Жирардо величайшая актриса, я понял намного позже когда посмотрел фильм Лелуша “Жить, чтобы жить” где она сыграла в паре с Ив Монтаном.

На фильм “Брак по-итальянски” мы, несколько одноклассников, пошли в сопровождении нашей классной руководительницы Ирины Евгеньевны Костиной. Как она была смущена после просмотра. Любимая наша “Ирина”, ей самой тогда было лет 25. А потом был фильм “Вчера, сегодня, завтра” опять с Мastroяни и Лорен. “Невеста Бубе” с Клаудиа Кардинале.

Очень оригинально поступили наши цензоры-поборники нравственности с фильмом “Дамы и господа”. Всю нижнюю треть экрана занимала чёрная полоса, на которой появлялись титры. Сделано это было для того, чтобы прикрыть обнажёнку, ну как тут опять не вспомнить начальника пионерлагеря Дынина.

Совершенно уморительная криминальная комедия “Операция святой Януарий”, такое ограбление по-итальянски. История о неудавшемся ограблении одновременно была пародией на голливудские штампы. Как колоритно там противопоставлялись неаполитанские жулики приезжим, американским. Комедия была наполнена, насыщена национальным итальянским колоритом. А какой юмор, чем-то похожий на “одесский”
“Если бы ты был честным человеком — это был бы твой ребенок!”
“Мама готовит баклажаны и послала меня спросить, с чем ты будешь их есть”

Ну вот я добрался и до зарубежных комедий. Кто-то сказал, - Мир уцелел, потому что смеялся. Смеялись мы много и часто. Комедий было много. Английские со своим своеобразным юмором, “Мистер Питкин в тылу врага” и “Приключения Питкина в больнице” недотёпистый герой с практически русской фамилией вызывал в кинозалах приступы гомерического смеха.

Или “Бабетта идёт на войну” Очаровательная француженка не только спасает своё отечество от фашистов но и вводит в моду причёску а-ля Бабетта.

Очень много было французских комедий. Луи де Фюнес и Бурвиль царили тогда на наших экранах. “Замороженный”, “Разиня”, “Человек-оркестр”, “Большая прогулка” и т.д и т.д.

Американские комедии значительно реже попадали на наши экраны, но зато какие. “Большие гонки” опять с парочкой так повеселившей нас в “Джазе только девушки” Джеком Леммоном и Тони Кертисом. Там же Питер Фальк, будущий комиссар Коломбо. Захватывающая комедия “Как украсть миллион” с великолепным Питером О’Тулом и обаятельнейшей Одри Хепбёрн. И наконец “Четырежды Безумный мир” Стэнли Крамера.

У нас в школе учился Женька Атаманов, на класс старше меня. Он серьёзно занимался фехтованием, был, кажется, кандидат в мастера и всё время куда-то ездил по стране, то на сборы то на соревнования. И вот однажды, он приехал откуда-то и на перемене пересказал нам совершенно потрясающую комедию которую он там посмотрел, а у нас её ещё не крутили. Но где-то через месяц, дошла она и до Ташкента и мы дружно поскакали в Панорамку, поскольку фильм был широкоформатный.

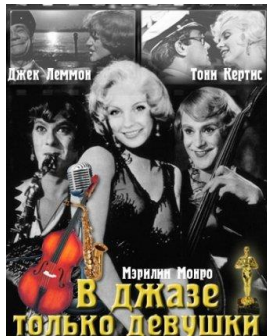

Очередь была большая, но мы как-то проскочили. Перед фильмом по радио шёл текст предваряющий фильм в исполнении Галины Мельниковой, диктора нашего телевидения. Что-то сатирическое о буржуазном обществе, и рефреном шло, - “Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир”

Потом начался фильм. Сказать что было смешно, значит ничего не сказать. Было безумно, безумно, безумно, безумно смешно. Крамер собрал на съёмочной площадке всех

самых известных комиков, всех поколений. Даже легендарный Бастер Китон сыграл там в эпизоде. Позже я прочёл, что Крамер назвал период работы над этим фильмом счастливейшим временем в своей профессиональной жизни. Эльдар Рязанов, снимая про приключения итальянцев в России, я думаю, находился под очень сильным впечатлением от этого киношедевра.

Наконец, самая моя любимая комедия, - “В джазе только девушки”.

С моим очень близким другом и одноклассником Юрой Бондарем, к сожалению погибшем в очень молодом возрасте, в 24 года, посмотрели этот фильм раз 15, знали наизусть и всё время цитировали. Юмор там высочайшей пробы, а финальный диалог вызывал у зрителей взрыв смеха мощностью в несколько килотонн.

— Послушай, я не могу выйти за тебя замуж!

— Почему?

— Эээ... ну, во-первых, я не блондинка!

— Это не страшно.

— Я много курю!

— Это не проблема.

— У меня не может быть детей!

— Ничего, усыновим.

— Я восемь лет прожила с саксофонистом!

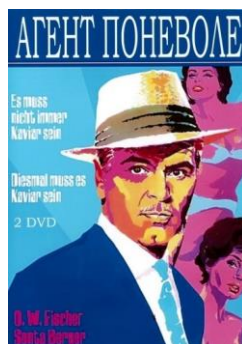
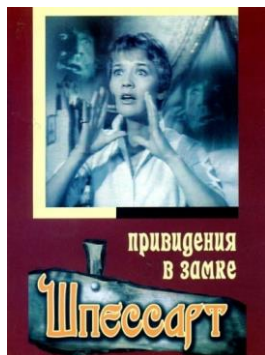
— Я тебя прощаю.

— Господи, я МУЖЧИНА!

— У каждого свои недостатки.

И конечно музыка, джазовая музыка. Мы с Юркой очень любили джаз и ещё один фильм никогда не пропускали, если вдруг он шёл вновь (“Тридцатка” если помните - кинотеатр повторного фильма), - это “Серенада Солнечной долины” Но его смотрели, конечно, в основном из-за оркестра Гленна Миллера.

Фильмы Федеративной Республики Германии, редко, но попадали на наш экран.

Вот “Привидения в замке Шпессарт” мистика, комедия, сатира (чего мы тогда не очень поняли), да ещё музыкальная.

Как они там играли в футбол, головой вместо мяча. А продолжение, - “Прекрасные времена в Шпессарте” вышел у нас намного позже, я этот фильм посмотрел в Москве уже в 70-х годах. И очень смешной был фильм “Агент поневоле”

Чешский кинематограф выстрелил в 60-х тремя блестящими пародиями на голливудскую кинопродукцию. Вестерн – “Лимонадный Джо”, готический детектив, - “Призрак замка Моррисвиль” и шпионский фильм-бондиана, - “Конец агента”

В “Лимонадном Джо”, заглавный герой меткий стрелок и борец с несправедливостью наводит порядок в маленьком городке на “Диком Западе” Секрет его меткости и обаяния прост – напиток кола-лока.

Чтобы метко в муху бить

Нужно кола-локу пить.

“Призрак замка Моррисвиль” с бесподобным Вольдемаром Матушкой в роли злодея и прекрасной песней “Алилуя” в его же исполнении. И, наконец – “Конец агента” - пародия на фильмы о Джеймсе Бонде, фильмы о котором, мы увидели значительно позже.

Будильник агента, представлял собой сложное устройство включающее в себя,- отмычку, кинжал, газовый баллончик, гранату, магнитофон, пистолет, счётчик гейзера и даже атомную бомбу. Фильм уже с самого начала вызвал смех. На фоне титров, “В одном неназванном западном городе” - на экране появлялась Эйфелева башня. Но если говорить о пародиях, то самым большим успехом в этом жанре пользовалась датская комедия “Бей первым, Фредди” В тогдашний КВН играла команда города Фрязино, славившаяся своими любительскими кинофильмами, и у них был уморительный фильм-пародия под названием “Пей первым, Федя”

Были нами любимы и фильмы спортивные. Наиболее яркие, - это английский “Такова спортивная жизнь”, после которого мы на время забыли про любимый футбол и стали играть в какое-то подобие рэгби. Бегали с мячом в руках и усердно толкали друг-друга, правил не знал никто. А второй фильм, французский, про автогонщиков - “Большой приз” с Ив Монтаном и Тосиро Мифуне.

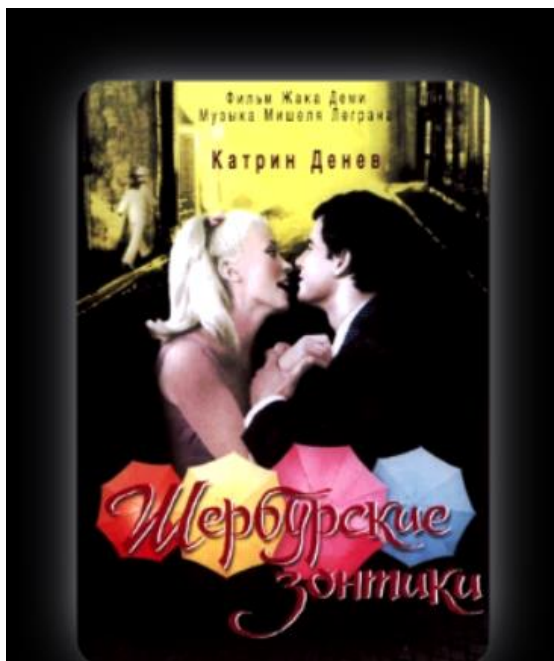
Ну и наконец пришла пора, когда нас очень сильно заинтересовала любовная тема, отношения между мужчинами и женщинами. Пора первых влюблённостей, когда наши

серьёзные одноклассницы вдруг неожиданно расцвели, когда аромат сирени и роз на Гоголя, где мы гуляли по вечерам, вызывал в наших подростковых душах непонятное томление. И тут опять французские фильмы были, в какой-то степени, нашими учителями. Очень вовремя появился фильм Клода Лелуша “Мужчина и женщина”. А фильм “Гром небесный” с потрясающим Жаном Габеном, я смотрел с девочкой в которую был влюблён и весь фильм продержал её руку в своей. Замечательный фильм, смотрел его повторно, лет семь назад и не разочаровался. Габен по прежнему великолепен, Мишель Мерсье очаровательна, а Робер Оссейн, её партнёр по Анжелике, очень убедительно сыграл мерзавца-сутенёра. Очень мудрый и человечный фильм.

И ещё один фильм хочется отметить. Биографическая картина о художнике Модильяни, - “Монпарнас,19”. Жерар Филипп в роли художника и Анук Эме, в роли его возлюбленной. Фильм о 3-х последних годах жизни великого художника. Правда великим он стал только после смерти. Горькая судьба.

“Шербурские зонтики” я смотрел в Самарканде, гостя у сестры и был очарован музыкой Мишеля Леграна и красотой Катрин Денёв. А фильм Лелуша “Жить, чтобы жить” настолько меня тогда потряс, что я посмотрел его три раза. Любовный треугольник в исполнении великих Ив Монтана, Анни Жирардо и изумительной Кэтнис Берген. Там была сцена, когда муж и жена которых играют Монтан и Жирардо, в поезде возвращаются в Париж, из Цюриха, и он признаётся что у него другая женщина, которую он любит. Во время признания, крупно показывают лицо Жирардо, она ничего не говорит, но там такое страдание, что у меня мурашки по телу во время каждого просмотра. Именно тогда я понял, какой величайшей актрисой является Анни Жирардо. Много позже я посмотрел фильм “У каждого свой ад”, где у героини Жирардо похищают, а затем убивают маленькую дочку. Там игра актрисы просто запредельна. Вернее игрой это и не назовёшь. Она просто прожила эту историю.

Ну, вот и всё, что мне удалось вспомнить о том, нашем кино. Не сочтите меня старым брюзгой, но, мне кажется, те фильмы о которых я вспомнил, были добрее, человечнее, искренней современных, очень дорогих, несомненно интересных, увлекательных, с потрясающими спецэффектами блокбастеров. Из кино ушла душа. Впрочем, это только моё мнение.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИГРЫ НАШЕГО ДЕТСТВА

Заноза, сладко щемящая в сердце.

Умная память плохое забыла.

Детство, умильное, пыльное детство

С кем это было? Когда это было?

Евгения Роше

Что ещё важного было в нашем детстве, кроме книг и кино. Ну, конечно игры. Приходя со школы, мы забрасывали портфель в угол и на улицу. Ну, или старались побыстрее сделать домашнее задание и опять же на улицу, во что-нибудь поиграть. А игр было бесчисленное количество. Сегодня эти игры забыты напрочь, они практически ушли в небытие, уступив место новым «формам досуга». Сегодняшние городские дети свое свободное время проводят не во дворах, не бегая, не лазая по деревьям и крышам, не в подворотнях, а либо в интернет-кафе и игровых компьютерных клубах, либо сидят дома уткнувшись в тот же монитор. У нас же, к счастью, компьютеров в то время не было. И мы спешили во двор, на улицу, к друзьям, - бегать, как тогда говорили. Слово "бегать", в раннем моём детстве было синонимом слова "играть", об этом мне напомнил, мой соратник по детским играм, нашедший меня в сети, - Валера Пашин, проживающий ныне в удмуртском городе Воткинске. "Вовка, бегать выйдешь?", - каждый день раздавалось под моим окном. Так, как же проводили свой досуг, дети 50-х, 60-х годов прошлого века. Игры наши разделялись на чисто мальчишьи, чисто девчачьи и совместные. У пацанов до определённого возраста, главная игра - это игра в "войну" или "войнушку".

В зависимости от последнего просмотренного фильма это были либо сражения крестоносцев и рыцарей, либо гусар (после "Гусарской баллады"), либо мушкетёров. Но в основном это конечно партизаны, красноармейцы, фашисты. Сражения Великой Отечественной войны. Фашистами, естественно, никто быть не хотел, поэтому бросали жребий или считались..Оружие у дворовой армии было разнообразнейшее, от самодельных пистолетов и автоматов до, купленного родителями в "Детском мире" почти настоящего на вид оружия,

стреляющего пистонами. Пистоны были как одиночные, так и свёрнутые в рулончики, для автоматической стрельбы

А ещё были пугачи из свинца, которые стреляли глиняными пробками. Внутри пробки

находилась какая-то горюче-взрывная смесь, пробка вставлялась в отверстие под дулом и когда спулся курок, боёк ударял в эту смесь и раздавался громкий выстрел. Пугачи эти системы “Наган” и пробки к ним, делались какими-то умельцами и и распространялись среди юных бойцов при помощи сетевого

маркетинга под названием “Шара-бара” По дворам ездили на осликах, запряжённых в тележки, торговцы и меняли на бутылки или на деньги различные товары пользующиеся спросом у детворы. Шарики на резинках, глиняные свистульки и вот такие пугачи. Пугач этот стоил пять бутылок, но к моему счастью мой дед торговал этим оружием на базаре в Шумиловском городке и такой “Наган”, всегда был в моём арсенале.

Бои местного значения разворачивались во дворах и на улице, на крышах сараев и в подвалах. Особенную радость у нас вызывали различные земляные работы время от времени проводившиеся на нашей улице или во дворах. Прокладывались какие - ни будь коммуникации и рылись траншеи, которые тут же становились ареной ожесточённых боёв.

Вот такая в те годы была униформа ташкентских мальчишек

Партизан Вова Фетисов

Как разновидность игры в “войнушку” были “казаки-разбойники”. Я думаю, вряд ли среди нынешних бабушек и дедушек можно найти тех, кто не играл в детстве в эту захватывающую игру, которая была самым настоящим приключением, азартной погоней.

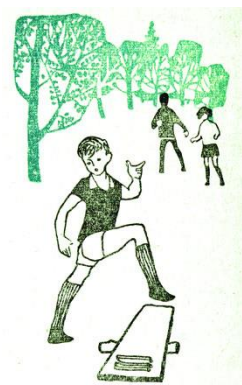
Здесь тоже было две команды “казаки” и “разбойники”. В определённом месте, команда “казаков” считала до 100 или больше, а “разбойники” тем временем удирали, оставляя мелом стрелки, указывающие направление бегства. Стрелки ставились везде,- на деревьях, асфальте, скамейках, стенах домов. Чтобы запутать преследователей стрелки раздваивались, разтраивались, показывали ложное направление. В общем как в фильме “Берегись автомобиля” – “Ты убегаешь, я догоняю”

Для этой игры нужна была достаточно многочисленная компания (чем больше, тем лучше). Заканчивалась игра, когда все разбойники пойманы и доставлены в “тюрьму”. Обычно о “тюрьме” служил очерченный круг.

Играли, конечно, и в прятки. У нас эта игра называлась “куликашки”, интересно кто-нибудь знает, откуда произошло это слово? Я думаю, правила игры в прятки одинаковы во всём мире,

поэтому особо на них останавливаться не буду. С помощью считалки выбирался водящий. Помните, какие были “считалки”? Одна из них, пришедшая, очевидно, из дореволюционных времен, употреблялась чаще всего - “На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой?”. Были считалки и на тарбарском детском языке, типа: “Эни, бэни, раба, квинтер, финтер, жаба...”, или вот ещё: “Дора, Дора - помидора, мы в саду поймали вора, стали думать и гадать, как бы вора наказать, мы связали руки-ноги, и пустили по дороге, вор шел, шел, шел, и корзиночку нашел, в этой маленькой корзинке есть помада и духи, ленты, кружева, ботинки, что угодно для души...” Ну вот, а потом водящий, уткнувшись в стену считал до определённого числа, в конце обязательно говоря, “Я иду искать, кто не спрятался, я не отвечаю”, а остальные прятались кто где. Дальше, думаю, все знают. Выражение “застукать”, очевидно, произошло от этой игры. Одной из разновидностей прятков были “12 палочек”.

подобие качелей. На нижний край клалось 12 палочек или спичек, а по верхнему, сильно ударялось ногой, чтобы палочки разлетелись как можно дальше в разные стороны.

Тот, кто водил должен был собрать все палочки, до единой и уложить обратно, а остальные за это время должны были спрятаться. Ну, а дальше как в классическом варианте, только застукать нужно было, наступив на этот кирпич. Тут была ещё одна хитрость, если пока водящий искал, кто-нибудь из спрятавшихся незаметно прокрадывался к этим “качелям” и

опять ударял ногой, разбрасывая палочки по сторонам, то водящему приходилось опять их всех собирать и начинать сначала.

Была игра “тише - едешь дальше будешь”. Мелом чертился “старт” и через метров пятнадцать “финиш”. На старте собирались в одну линию игроки, а на финише к ним спиной стоял ведущий. Он произносил фразу “Тише едешь – дальше будешь”, произносить её он мог медленно или быстро и пока он её произносил игроки начинали движение и старались пройти как можно ближе к финишу. Как только фраза закончена, он быстро поворачивался к игрокам, которые должны были тут же остановиться, если при этом кто-то продолжал

движение он удалялся. Затем всё повторялось и тот, кто первый пересёк линию финиша, тот и выиграл.

А сколько замечательных игр с мячом было в то время. Например, уже не помню, как называлась, нужно было подбросить мяч вверх и пока он в воздухе все разбегаются как можно дальше, а когда водящий его ловил, говорил – “стоп”, все застывали, и он должен был попасть мячом в кого-нибудь, если попадал, водящим становился тот, в кого попали. Если не попадал, всё начиналось сначала.

Много игр было, когда мяч надо было кидать об стенку. Например, игра “лягушка”. Мяч, отскочивший от стенки, нужно было перепрыгнуть, чтобы он прошёл между ног. Кто не перепрыгивал – получал букву от слова «лягушка». Тот, кто первый соберёт слово, вылетал, и так до последнего, который естественно становился победителем.

Если компания была достаточно большая, могли играть в «вышибалы». Я жил на тихой, небольшой улице между Гоголя и Жуковской, - Топографической, и на ней спокойно можно было играть в игры требующие просторные и ровные площадки. Двумя чертами, мелом, ограничивалось большое игровое поле, по обе стороны вставали два игрока, задача которых вышибить мячом кого-нибудь, из игроков кучкующихся внутри площадки. Такой вариант лапты. Игрок, которого вышибали, выбывал из игры. Но его могли "спасти" его товарищи, для этого им надо было поймать мяч руками. Ловить мяч можно было только на лету. Кто поймал мяч от земли - выбывал.

Были игры не очень одобрявшиеся родителями. Это лянга и ашички. В ашички наше поколение не играло, во всяком случае на нашей улице, а вот лянга была весьма популярной.

Игра была сезонная. В неё не играли ни весной, ни летом, а исключительно осенью. Приходило время, и все пацаны начинали играть в лянгу.

«Лянги» - делали из лоскутка козьей или овечьей шкуры, пришивая к нему кусочек свинца.

Причём мех, должен был быть, достаточно длинным, а свинцовый балласт, подобран таким образом, чтобы придать “лянге” оптимальную скорость. Не слишком быстро и не слишком медленно. Как и в каждой игре здесь тоже были свои мастера, которые могли часами не давать “лянге” опуститься на землю, посылая её в полёт, то ребром обуви, то носком, то попеременно двумя ногами, исполняя различные фигуры, - “виси”, “люры”, “джуры”. Хорошие “лянгы” очень ценились и являлись предметом обмена.

С этой игрой вели беспощадную борьбу учителя и наиболее активные из родителей. Во-первых, “лянга” почему-то считалась игрой недостойной пионеров и комсомольцев, а присущей только шпане и хулиганам. Это был главный аргумент, но, когда он не действовал, приводились запугивающие данные о том, что, якобы, длительное увлечение “лянгой”

неизбежно приводит к грыже. На нашей улице случаев с грыжей мы не наблюдали, но утверждать, что эти слухи были чистой выдумкой, не берусь.

Я много лет не видел, чтобы кто-то играл в “ляngu”, даже не знаю играет ли кто-нибудь сейчас. Вероятно, она канула в лету вместе с нашим безвозвратно ушедшим детством.

Гоняли голубей.
Ботинки разбивали,
Чтоб джуры – люры знать,
Родители ругали –
Нам было наплевать.
Плясали, набивали
Мы джанги во дворе
И с ляngой исполняли
Па де труа, антре.
Свинцом залитой битой
Таранили врагов,
Ашички ваши биты,
Нет козырей – мослов!
От мала до велика,
Знал каждый мальчуган –
Прилягут – пука, чика,
Бочком – алыч, таган.

Эти стихи Александра Гринблата, наверное, мало кто поймёт из нынешних подростков.

Ещё были и просто развлечения в виде прыганья с сараев различной высоты, на землю или в кучу песка, а зимой - в сугроб. Это было, что – то вроде спортивных соревнований, соревнований на храбрость.

Вдруг будет пропасть и нужен прыжок,
Струсишь ли сразу? Прыгнешь ли смело?
А? Э... Так –то дружок.
В этом – то всё и дело.

Написал когда - то Владимир Высоцкий, очевидно в его детстве, то же было это развлечение – прыжки с высоты.

Во всех дворах на нашей улице были угольные сараи, их то, мы и использовали для испытания детского мужества. А страх высоты он особенный, многие ребята вполне мужественные в других ситуациях перед высотой пасовали, и прыгнуть не могли.

Ну и конечно лазанье по деревьям. Посередине нашего двора, рос очень старый, огромный урюк, неохватный просто, его мы тоже использовали как тренажёр, - прыгали, лазали, кто выше долезет. Делали на нём тарзанку и раскачивались широкой амплитудой, замирая от лёгкого страха.

Не помню, чтобы кто – либо получил серьёзную травму, были, конечно, лёгкие ушибы или ногу кто подвернёт, но, чтобы конечности сломать или в больницу загреметь, такого не было.

Чисто девчоночьи игры, это, конечно, прыгалки и классики. Да, простят меня дамы, но я мало, что могу сказать об этих играх, ибо в эти игры пацаны не играли. В моём детстве, дворы, тротуар, да и проезжая часть, были покрыты квадратами, нарисованными мелом, по которым прыгали девчонки то на одной ноге, то двумя. Иногда клали круглый, плоский камень и, прыгая, толкали его, чтобы он перелетел на следующий квадрат. Это и были классики.

Игр со скакалками, тоже много было. Девчонки прыгали и по - двое и по – трое и в одиночку.

Были свои чемпионки, которые могли очень долго прыгать, выделявая различные пируэты.

— Лида, Лида! Вот так Лида!

Раздаются голоса. —

Посмотрите, это Лида

Скачет целых полчаса!

— Я и прямо,

Я и боком,

С поворотом,

И с прискоком,

И с разбега,

И на месте,

И двумя ногами

Вместе...

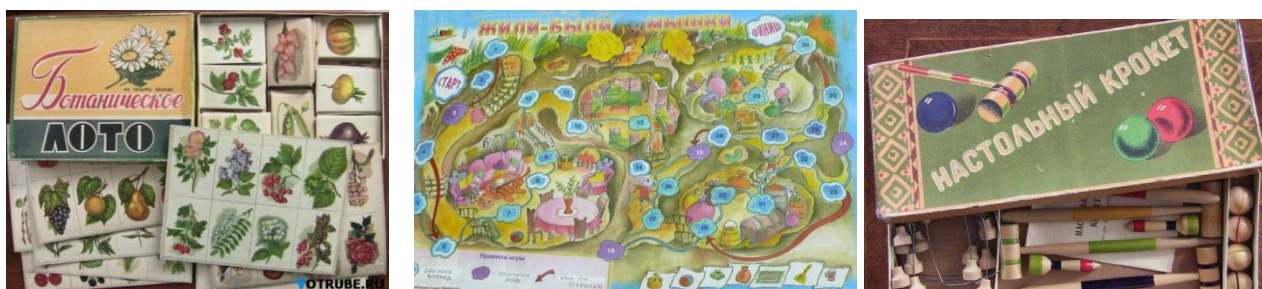
А когда сгущались сумерки, и темнота не позволяла играть в подвижные игры, мы собирались на какой-нибудь скамейке, или на крыльце и начинались вечерние посиделки. Рассказывали друг другу страшные истории, типа “Чёрная рука” или “Красное пятно”. Для пущего страха рассказывались эти страшилки замогильным голосом. Были и игры на скамейке, например, “Глухой телефон”. Суть этой игры известна, наверное, каждому. Все садятся рядом и первый, очень тихим шёпотом говорит на ухо рядом сидящему игроку слово или целую фразу, а тот то же очень тихо передает другому игроку и так по цепочке. Последний говорит вслух то, что он услышал, и сравнивают с оригиналом. Зачастую получалось очень неожиданно и смешно.

Или вот ещё одна игра, не помню точно название, вроде “Колечко”, но не уверен. Все игроки складывают ладошки «лодочкой», вроде как молятся, а один, ведущий, держит внутри своих ладошек колечко или какой-нибудь другой мелкий предмет, камешек или пуговицу. И вот он, как-бы разрезает своими ладошками, ладошки всех игроков по очереди, и незаметно, в чьих-нибудь ладонях предмет оставляет. После того как он обошел всех участников, чуть отходит в сторону и говорит: «Колечко-колечко, выйди на крылечко!» После этих слов, тот, у кого колечко должен быстро вскочить и отбежать, а другие игроки – должны удержать его на скамейке. Если вырвался, становился ведущим, если нет, всё сначала. Посиделки эти продолжались допоздна. Уже раздавались крики родителей - «Вова (или Таня), домой!» И в ответ - «Ну, мамочка, еще немножко, пожалуйста...»

Конечно, гоняли по улицам на велосипедах, а у кого не было, то на самодельных самокатах, вместо колёс у которых были стальные подшипники. Гоняли просто для развлечения или устраивали велогонки. В противоположном от меня дворе жил мой одноклассник Виталик Кирьянов, а у него был старший брат, по-моему, Юра его звали, он был такой Кулибин-Самоделкин, всё какие-то механизмы собирал. И вот вернулся он из армии и решил механизировать Виталькин велосипед, то есть установить на нём бензиновый мотор. А велосипед был не взрослого формата, а маленький. Был такой подростковый велосипед “Школьник”, а этот даже меньше. И вот он установил мотор, сделал систему управления и получился такой мини-мопед. На первый испытательный пробег, собралась большая толпа из детворы и взрослых. Виталик сел на усовершенствованный велик, брат его чего-то там подкрутил и это чудо технической мысли рвануло с такой скоростью, что за доли секунды домчалось до улицы Гоголя и там уже, видимо набрав скорость отрыва от земли, устремилось в небо, перевернулось и рухнуло на асфальт. Пилот к счастью пострадал не сильно, отделавшись ссадинами и царапинами. Но зрелище было сильное.

А если случалась непогода, дождь или слякоть, играли дома. Настольных игр тоже было много. Собирались у кого-нибудь дома и играли. Кроме классических шашек-шахмат, которым мы тоже уделили некоторое время, были различные тематические лото зоологическое, ботаническое и т.п.

Были игры с фишками и кубиками. Бросаешь по очереди кубик и двигаешь фишку на столько кружочков, на сколько выпал кубик. Таких игр было огромное разнообразие на различные темы. Помню отец из Москвы привёз мне совершенно роскошную игру по теме открытие Америки Колумбом. Там были шикарные вкладки с рисунками каравелл.

У моего одноклассника Валеры Нойкина, была настольная игра крокет. Но мы в неё играли на полу. Очень интересная игра с деревянными шарами и молоточками. Там надо было пройти по определённому маршруту стучая молоточком по шару и чтобы шар проходил через ворота. Правила забыл уже, но было очень увлекательно.

Такие настольные игры как футбол или хоккей были тогда страшным дефицитом, но кое у кого из ребят они имелись и мы бывало устраивали целые турниры.

Можно было играть и одному, для этого существовали разные наборы конструкторов типа "Юный химик", "Юный физик".

Приходила зима и игры становились другими. Мне кажется, в моём детстве зима в Ташкенте была нормальной, снега выпадало достаточно много. Во всяком случае, мы успевали вдоволь

и на коньках побегать, и с горок покататься и снежками покидаться. Часто зимние каникулы продлевались из-за эпидемии гриппа, объявлялся карантин к нашей радости, и мы продолжали играть в хоккей, заменяя клюшки палками, а шайбу консервной банкой, кидать в девчонок снежки, цепляться сзади за автомобили и скользить по покрытому льдом асфальту. Восторг полный. На нашей улице зимой вполне можно было покататься на коньках. У меня сначала были “снегурки”, с закруглёнными носами и верёвочными креплениями, а потом отец привёз из Москвы настоящие “канадки”, ботинки с намертво прикрученными коньками. Радость была безмерной.

Но играли не только на улице, в школе тоже, и на переменах, а иногда и на уроках. В младших классах на переменах играли в такую игру “Ручеёк”, не игра даже, а типа хоровод. Становились парами, друг за другом, чем больше народа, тем лучше, и взявшись за руки и высоко их подняв создавали такой живой туннель. А один участник оставался без пары, число участников поэтому должно было быть нечётным. Он шёл через этот тоннель и по дороге уводил кого-нибудь за собой, оставляя его напарника без пары, и тот в свою очередь то же шёл по тому же пути и то же разбивал какую-то пару. И так далее. Это могло продолжаться бесконечно, смысла никакого в этой игре не было, единственное подержать какое-то время за руку нравившуюся тебе девочку.

А на уроках играли во всем известный “морской бой”, а ещё в “виселицу”, которая стала сейчас “Поле Чудес” или в “балду”.

На большой перемене, если позволяла погода, пацаны играли в достаточно жёсткую игру “кони – рыцари”. Во дворе школы у нас была большая яма с песком, для прыжков в длину и вот там устраивались рыцарские турниры. Разбивались на две команды, внутри команды, в свою очередь разбивались с помощью жребия, на коней и наездников, наездники садились верхом на менее удачливых партнёров и начинался бой. Задача сбить наездника с коня. Побеждала команда в которой оставался хотя бы один не сброшенный всадник.

Спорт безусловно присутствовал в нашем детстве и отрочестве. У нас была замечательная учительница физкультуры, - Светлана Захаровна, фамилию не помню к сожалению, она сделала в нашей школе отличную волейбольную команду в которую входил и автор этих строк. В ней играли ребята 8-10 классов. Володя Вайнер, Володя Поршень, Адыл Юсупов, Валера Нойкин и другие. В 67-м году мы выиграли школьный городской чемпионат. Финал был в школе где-то на Циолковского, за кольцом 3-го трамвая. Боже, как Светлана Захаровна за нас переживала, как обнимала после победного финала. Команда молодости нашей.

Но по мере взросления любимой и единственной игрой для нас стал футбол. Я уже говорил, что улочка наша была маленькая с очень небольшим движением автотранспорта и мы, сделав ворота из булыжников и разбившись на две команды, гоняли мяч до самых сумерек, и прекращали, когда мяч уже невозможно было разглядеть. Страстным

болельщиком футбола был дед Валерки Нойкина, он мог часами наблюдать за нашими баталиями. Вот не помню, как его звали. Фамилия Мусаилов, а имя - отчество выветрилось из головы. Бабушка Валеркина, -Татьяна Аркадьевна, тётя Таня, а как деда звали не помню. Но не в этом дело. Когда по всей стране начались детские соревнования по футболу клуба “Кожаный мяч”, он организовал из нас команду при каком-то ЖЭЖе, и мы участвовали в городском чемпионате. У нас была форма, удостоверения. Правда особенных успехов мы не добились, дошли кажется только до 1/8 финала, но удовольствие получили огромное. Вообще Валеркин дед был большой любитель спорта, в том числе конного. Довольно часто по воскресеньям он брал нас с Валеркой на ипподром, смотреть скачки. Иногда мой отец нас туда отвозил на нашей “Победе”.

Но, возвращаюсь к футболу. Им, мы пацаны увлекались страшно, болели естественно за “Пахтакор”, состав команды знали наизусть, некоторых игроков помню до сих пор: Красницкий, Стадник, Моторин, Штерн, Каххаров, Тазеддинов, Таджиров, на воротах Юрий Пшеничников. Классный кстати был вратарь. Мой отец тоже был болельщиком и большой заводской компанией они ходили практически на все матчи на стадион “Пахтакор”. Болели шумно, а после окончания матча, начинался, по их выражению “третий тайм”, всей компанией шли на 6-й этаж гостиницы “Ташкент”. Это был первый, в моей жизни ресторан.

«Пахтакор», 1963 год. Ривал Закиров, Акмаль Азияходжаев, Валерий Любушин, Станислав Стадник, Виталий Суянов и Максуд Шарипов; Улугбек Карилкулов, Валерий Мухин, Геннадий Красницкий, Артур Кисляк, Юрий Пшеничников, Игорь Малиновский, Вильгельм Каххаров и Владимир Таджиров.

Пахтакор -1963

В 1964-м году по окончании чемпионата СССР по футболу две команды набрали одинаковое количество очков, и по решению федерации футбола был назначен дополнительный матч, своего рода финал, где должен был определиться чемпион. Матч этот

было решено провести в Ташкенте на стадионе “Пахтакор” Это было событие. Ажиотаж был неописуемый, грузинские болельщики, говорят, предлагали за билет плащ болонью, а это тогда была ВЭЩЬ. Естественно отец билеты достал, и даже мама моя собралась на этот матч, а меня к моему страшному горю, не взяли, как я не умолял. Пришлось смотреть этот матч по телевизору. Игра была замечательная, настоящий финал. За “Торпедо” играли Валерий Воронин, Валентин Иванов, Шустиков в защите, а за Динамо,- Месхи, Метревели, Котрикадзе в воротах, Илья Датунашвили забивший два гола. Ничья в основное время, - 1:1, - и 3:0 в пользу динамовцев в дополнительное. Победили грузинские футболисты и в Тбилиси вероятно всю ночь праздновали победу.

Динамо Тбилиси, после награждения на стадионе Пахтакор

Играть в футбол мы продолжали довольно долго и после окончания школы. Собирались в свободное время и играли. Гоняли мяч где только можно: во дворе родной школы (по воскресеньям), на маленьком стадиончике в Таштраме (старом, в конце Гоголя), на площадке между Авиационным техникумом и Дворцом Митрофанова. Кстати бассейн Митрофанова построили в наши школьные годы, и мы все записались в секцию и занимались там плаванием, но не очень долго. Продолжу про футбол. Вот стихи Александра Файнберга, как будто про нас:

Стою в воротах. Ушки на макушке.
По свитерку гуляет ветерок.
Матч века! Наш Рабочий городок —
тире — блатные с воровской Первушки.

У них сегодня финкари да пушки.
У нас — от папиросочек дымок.
Но рыжий лупит так с обеих ног,
что ваши станут нашими подружки.
— Лепи, Володя! Генка, выдай пас!
Блатняги сыплют искрами из глаз.
Десятый гол влетает в их ворота.
Потом нас всех отмордовали в дым.
Рыдали наши крали. Но в субботу
На танцы всё же упорхнули к ним.

У нас тоже была похожая ситуация, правда не с Первушинскими, а - играли мы на стадионе “Старт” - с местными и тоже закончилось небольшой драчкой.

Но потом, потихоньку, с течением времени, собирались всё реже и реже, появились семьи, заботы, всех разнесло по сторонам и футбол теперь смотрю лишь по телевизору.

И ещё одно увлечение, появившееся у нас в переходном возрасте, это гитара, дворовые песни.

К науке тяга сильная сейчас,

Но и к гитаре тяга есть в народе.

Пел Высоцкий о том времени. А я вспоминаю летние вечера, упоительный запах роз, благоухающих на клумбах разбитых посередине улицы Гоголя, на отрезке между Карла Маркса и Куйбышева, небольшая лужайка рядом с ГорфакомТашПИИ, и мы пацаны сидим и слушаем как под гитару поют пацаны чуть постарше. Песни, которые сейчас называют благородным словом “Русский шансон”

Я пишу тебе голубоглазая

Может быть последнее письмо

Никому его ты не показывай,

Для тебя написано оно.

И благодаря этому, а более всего песням Окуджавы, которые я обожал, я страстно захотел, научиться петь эти песни, сопровождая себя на гитаре. И выучив несколько аккордов, с этой задачей справился, в общем, неплохо.

Окуджава гремел,

Но на нашем дворе

Был я самый крутой семиструнник...

Это уже Розенбаум.

Впрочем, это сама по себе очень большая тема,- музыка и песни нашего детства, и я расскажу об этом в следующей части.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Песни нашего детства

“Нам песня строить и жить помогает...”

Из кино.

Сколько себя помню, в нашем доме всегда звучали песни. Не было ни одного дня, в детстве моём, а уж в юности тем более, чтобы музыка не звучала из патефона, радиолы, магнитофона, а то и вживую, когда отец, очевидно соскучившись по инструменту, а может, настроение было соответствующее, брал в руки мандолину или аккордеон, самолично привезённый из трофейной Германии, и пел свои любимые песни. Особенно любимых и часто исполняемых было две. “Чёрные глаза” Оскара Строка:

Ах! Эти черные глаза меня пленили.

Их позабыть никак нельзя - они горят передо мной.

Ах! Эти черные глаза меня любили.

Куда же скрылись вы теперь? Кто близок вам другой?

и ещё одна, неизвестного происхождения:

Есть в Батавии маленький дом,

Он стоит на утёсе крутом.

В этом доме в двенадцать часов

Слуга-бой отпирает засов.

В доме у нас всегда было устройство для проигрывания граммофонных пластинок. Сначала патефон, нет, я помню даже граммофон, - неработающий, он валялся в сарае, но слушать музыку я начал именно с патефона. Там надо было крутить ручку, чтобы завести пластинку, и время от времени приходилось менять иголки, стачивались они, что ли? Сбоку, на этом девайсе, была специальная выемка, и там хранились новые патефонные иголки.

Всесоюзная студия грамзаписи (фирмой Мелодия она стала в 1964 году), выпускала гигантское количество пластинок. Музыка на любой вкус, - классика, народные песни, эстрада, мастера художественного слова. Выпускались эти пластинки из щеллака в скромных

бумажных конвертах. Сначала со скоростью вращения 78 об/мин., а позже появились, так называемые “долгоиграющие” на 33 об/мин.

В начале 60-х, в качестве материала стали использовать, более прочный винил, да и конверты стали, прочнее и более художественными.

Довольно большой ассортимент был и у нас. В основном, любимые родителями,- Утёсов, Шульженко, Русланова, Козин и т.п. Я, в детсадовском возрасте научившись управляться с патефоном, самостоятельно ставил чёрный диск на крутящуюся поверхность и увлечённо прослушивал родительских любимцев. Особенно мне нравилась песня в исполнении Утёсова, - “У Чёрного моря”. “Есть город, который я вижу во сне”, ну и так далее. Ставил её по многу раз. Ребёнок я был впечатлительный, а там были очень страшные слова, - “Есть море, в котором я плыл и тонул, но на берег выброшен к счастью”. И я, представлял себе, как бедный дядя тонет, время от времени погружаясь, всплывая и задыхаясь и, вот-вот, он пойдёт ко дну, но тут какая – то гигантская волна выбрасывала его на берег и там он дышит, дышит и никак не надышиться, потому – что дальше шло, - “Есть воздух, который я в детстве вдохнул и вдоволь не мог надышаться”

Были пластинки и трофейные, привезённые освободителями Европы из Германии, Польши, Румынии и т.д.

Родной брат отца, дядя Женя, тоже фронтовик, большой любитель песен, полузапрещённых тогда, Вертинского и Лещенко (Петра), одно время жил с нами и тогда частенько звучали извлекаемые патефонной иглой песенки, которые разительно отличались от тех, которые исполнялись по радио: “Сероглазый король”, “Маленькая балерина”, “В степи молдаванской”, “Андрюша”, “Моя Марусечка”.

И когда через много лет, появились в продаже легальные пластинки Петра Лещенко и Вертинского, я моментально стал их приобретать и, слушая, возвращал себе то, смутно-позабывтое ощущение своего очень раннего

детства.

Потом на смену “механическому плееру” пришли электропатефоны, а в нашем доме появилось чудо тогдашней технической мысли, радиола “Беларусь -59”

Кроме собственно песен, мне очень нравились юмористы, особенно Тарапунька и Штепсель, половины не понимал, но всё равно было смешно.

Моё раннее детство пришлось на хрущёвскую оттепель, когда была востребована сатира и естественно тут же появились сатирические песни. Очень популярными были куплетисты, которые высмеивали различные пороки, мешающие построению социалистического общества. Самыми известными были Шуров и Рыкунин, и Рудаков, и Нечаев.

В фильме “Москва слезам не верит” есть эпизод, где Шуров и Рыкунин поют куплеты на “Голубом огоньке”, помните:

Пусть нас лапотной Россией
Называет Вашингтон,
Мы сегодня запустили
Лапоть свыше пяти тонн!

Чтоб построить новый дом
Динамита грянул гром...
Не взорвался старый дом -
Рухнул новый за углом!

Подарила в лотерею
Куму свой билет кума.

Кум теперь "Москвич" имеет,
А кума - сошла с ума...

В ресторане как-то дед
Скушал комплексный обед.
И теперь не платит дед
Ни за газ и ни за свет.

За улыбку, наконец,
Стал бороться продавец.
Я костюм купил, надел -
Стал смеяться весь отдел.

У нас было довольно много пластинок именно этого жанра, очень любимого мной, потому что, смешно. И с моей довольно хорошей тогда памятью, я запоминал все прослушанные не один раз песни и распевал их повсюду, очень веселя взрослых. Даже сейчас спустя много-много лет, какие-то отрывки, а то и песни целиком крепко сидят в моей голове. Вот из репертуара Рудакова и Нечаева:

На лекции как-то был задан вопрос,
Вопрос был весьма ядовитым.
Ответ не найдя, буркнул лектор под нос:
"Вопрос остаётся открытым".
Понравился нам этот ловкий приём,
Возможностей много в нём скрыто.
Мы этот приём как припев пропоём.
"Вопрос остаётся открытым".

"Победу" давно приобрёл мой сосед,
Он сам управляет отлично.
И хоть у меня "Москвича" даже нет-
Ему не завидую лично.
Он ночи проводит в машине дрожа
А днём ходит с видом убитым.
Пошёл третий год, а насчёт гаража
Вопрос остаётся открытым.

Или:

Из жизни темы мы берем, бичуя неполадки,
И вечной ручкой день за днем заносим их в тетрадки.
Две авторучки он и я приобрели с полочки,
Хорошо иметь, друзья, в своем кармане ручку!

Проделал много грязных дел пройдоха в магазине,
Но всё ж на месте усидел, и ходит в прежнем чине.
Чтобы на месте уцелеть, избегнуть нахлобучки
Не надо голову иметь - была бы где-то ручка!

По – моему, не устарело до сих пор. А “Мишка, Мишка, где твоя улыбка”, в исполнении Рудакова и Нечаева, стала хитом на долгие годы.

Была ещё пластинка с, как я теперь понимаю, пародией на современные оперетты про колхозы, смычки города с деревней и конфликты хорошего с лучшим, передовым. Не помню кто её исполнял, в сети не нашёл никаких следов, но вот, что осталось в памяти. Сюжет там был такой, - передовики труда, доярка Настя и лесоруб Егор страстно друг друга полюбили, но очевидно времени встречаться не было, надо было перевыполнять нормы и они, время от времени, ходили друг другу в гости по месту работы. Сначала, Настенька пришла к Егору в лес:

- Ну, как берёзы?

-Да ничего.

- Уже морозы.

- Ага.

- Ого!

- Так всё в порядке?

- Стало быть.

- Пили, пили, а я пошла доить.

Они друг друга сильно полюбили.

Ну как в такие годы не любить.

Поскольку драматурги порешили.

Конфликта без любви не может быть.

Затем Егор приходит на скотной двор:

- Ну как коровы?

-Да ничего.

-Они здоровы?

-Ага.

-Ого!

-Так всё в порядке.

-Стало быть.

- Дои, дои, а я пошёл пилить.

Ну и закончилось всё естественно свадьбой, где опять произошёл конфликт:

Она сказала, - выпьем за удоиность.

А он сказал за электротопор.

Ещё очень хорошо помню песенку про “хорошего парня”:

Есть у нас один знакомый,

Он и вам, друзья, знаком.

Он у нас бывает дома,

К вам заходит вечерком.

В тридцать лет он просто Петя,

Но ведь это не беда:

Нам его приятно встретить

Потому, что он всегда

Шутку новую расскажет лучше всех,

Фокус карточный покажет лучше всех,

Он и тосты произносит лучше всех,

И костюмы даже носит лучше всех,

Он приветлив, лучезарен,

За любым столом он свой.

Он - такой хороший парень,

Ну, такой хороший парень,

Просто - парень мировой.

Но кончалась эта песенка убийственной формулировкой:

Но ленив он и бездарен

На работе, на любой.

И хоть он хороший парень,

Но, друзья, "хороший парень" -

Нет профессии такой!

А ещё разные неформальные песенки пела мне моя старшая сестра, - городской фольклор. Мы жили с ней в одной комнате и обычно перед сном, она либо читала мне стихи, - особенно часто, любимого тогда мной, "Сына артиллериста" Симонова, либо пела песни, которые не услышишь по радио или на пластинках. Отчётливо помню две. Первая про ковбоя Джон Грея.

В Одессу порт торговый

Прибыл корабль новый

Из Аргентины песню привёз он.

Эта песня всем известна

И мотив её прелестен

Главный герой –

Джон Грэй ковбой.

В стране далёкой Юга,

Там где не злится вьюга.

Жил был испанец (*именно так*)

Джон Грэй красавец.

Все вы, наверное, её знаете, типа – “Там, где любовь, там всегда проливается кровь”

Красавец Джон Грэй, запутавшись в любовном треугольнике, всех поубивал. Вот. А вторая, студенческая, Что–то там про электричество:

Нам электричество пахать и сеять будет.

Нам электричество ночную тьму разбудит.

.....

Заходишь ты в пивную, там все на электричестве,

Нажал на кнопку - чик-чирик!- вино в любом количестве.

Нажал на кнопку - чик-чирик!- сосиски с колбасой.

И не прошло и полчаса, а ты уже косой.

Как – то так.

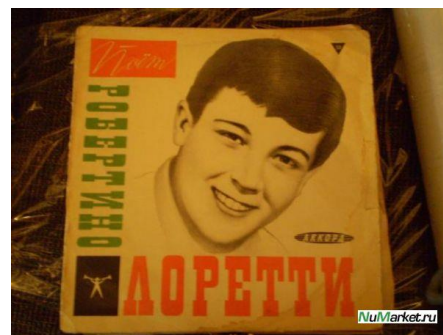
С появлением радиолы, в нашей домашней фонотеке стали появляться пластинки, более современные, соответствующие вкусу моей старшей сестры. Советская эстрада. Нина Дорда, Гелена Великанова, Майя Кристаллинская, совершенно ни на кого не похожая, какая–то заграничная, - Эдита Пьеха, певшая с неподражаемым акцентом.

Ирина Бржевская, с хитом “Старый клён”. Майя Кристаллинская, с замечательной песней “Ты не печалься” и совместным с Кобзоном сериалом, - “А у нас во дворе”. Конечно Тамара Миансарова с “Чёрным котом”, под которого мы лихо танцевали твист.

Появилась зарубежная эстрада, в основном почему – то итальянская, возможно мне кажется, но итальянских песен было очень много. Итальянский певец Марино Марини с необычайно популярной тогда, - “Guarda che Luna”, “Марина, Марина, Марина”, звал какую – то Марину Клудио Вилла. А ещё “Эй, мамбо”, “Два сольди”, “Маручелла”. А когда появился сладкоголосый Робертино Лоретти, все буквально посходили с ума. Почти из каждого окна тогда раздавалось, - “Джамайка, Джамайка”. Даже появился анекдот, - самый честный в мире человек, - это Робертино Лоретти. Который год разыскивает владельца майки, - “Чья майка, чья майка?”

Очень популярной была песня “Красная розочка” которую исполнила, по - моему, чешская певица, Гелена Лоубалова на прелестно-ломаном русском языке, - “что я лублу тебя, что я лублу тебя, ньет моей вины”. Потом эту песню переделали в сатирическом ключе, то ли Шуров и Рыкунин, то ли Рудаков с Нечаевым и получился музыкальный фельетон.

Как у нас в садочке,
У соседа дочка.

Розой расцвела.

Дальше Роза выросла и стала вести антиобщественный образ жизни.

Поздней ночью,

Подъезжала дочка

К дому на такси.

А из машины ей,

Дядя с сединами

Посылал “мерси”

И в конце, в качестве морали:

Этой бы Розочке,

Всыпать по по...

Потом исполнители переходили на прозу, и следовало окончательное резюме, - “Постойте (шло вместо напрашивающейся “попочки”), а разве одна Роза в этом виновата - спрашивал один, а второй отвечал, - Конечно, нет”. Ну и так далее.

Песня “Домино”, прозвучавшая в исполнении Глеба Романова на двух языках, - немецком, - языке оригинала, и русском стала своеобразным фоном в замечательном фильме “Дело Румянцева”, а в картине “Друг, мой Колька” звучит не менее популярная тогда “Мама йо керо” (кажется на португальском). Её уморительно исполнял Савелий Крамаров.

Конечно “Бесаме мучо”. Эта песня была популярной всегда и останется популярной навеки. Замечательная была инструментальная пьеса “Маленький цветок”, - совершенно волшебная мелодия в нежном звучании кларнета.

После приезда в Советский Союз Ив Монтана, советские люди просто влюбились в этого певца и актёра сумасшедшего обаяния и совершенно необычного, какого-то домашнего вокала. Он не просто пел он рассказывал истории. Вот например такая. Девушка, красивая, молодая, качается на качелях, и ничего ей, кроме качелей, не нужно. Влюбился в нее парень. Стал угощать конфетами, повел развлекаться. Она сказала "мерси" и побежала качаться на качелях. Он дождался ее внизу и поцеловал. Но она опять убежала качаться. Наконец он сделал ей предложение. Женился. А она все-таки бежит на качели. Такая смешная песня. Он пел-рассказывал о шофере, ведущем грузовик по бесконечной ленте дорог. Он пел про дирижера симфонического оркестра, полюбившего обыкновенную девушку, которой нравится только простая музыка танцев. Он пел про солдата, идущего на войну с надеждами на славу и возвращающегося никому не нужным, с узелком грязного белья за спиной. Вот такие песни.

Был снят фильм “Ив Монтан в Москве”, ему была посвящена песня исполненная Марком Бернесом, - «Задумчивый голос Монтана звучит на короткой волне...», и конечно появились пластинки, которые молниеносно исчезали с прилавков музыкальных магазинов.

Существовали и нелегальные, подпольные студии записывающие и распространяющие музыкальные произведения, которые по идеологическим соображениям запрещалось распространять Всесоюзной Студией Грамзаписи. Это был джаз, - Луи Армстронг, Дюк Эллингтон, Элла Фитцджеральд, оркестр Гленна Миллера. Это был только начинающий своё победное шествие рок-н-ролл, - Чак Берри, Билл Хейли, Литтл Ричард и конечно Элвис Пресли. Материалом для этих гибких пластинок служили крупноформатные рентгеновские плёнки. Именно отсюда пошло выражение «Джаз на костях» (также такие «самодельные» грамзаписи в обиходе назывались «рёбрами» или «записями на рёбрах»). У Виктора Цоя в песне «Когда-то ты был битником» есть слова: «Ты готов был отдать душу за рок-н-ролл, извлечённый из снимка чужой диафрагмы». У нас дома тоже было с десяток таких самодельных пластинок.

В 1964 году, появился ежемесячный журнал “Кругозор” с приложениями в виде гибких грампластинок, их было шесть штук с двухсторонней записью. Название журнала придумал Лев Кассиль, а одним из основателей и постоянным автором был Юрий Визбор, проработавший там семь лет.

Наряду с разной идеологической официальщиной, там были и уникальные записи. Новинки литературы, музыки, театра, эстрады как советской, так и зарубежной. Юрием Визбором был придуман необычный жанр, - “песня–репортаж” и эти репортажи замечательного поэта частенько появлялись на страницах этого, как он официально назывался, “ежемесячного общественно-политического и литературно-музыкального иллюстрированного журнала с гибкими пластинками”. Благодаря этому жанру появились, например такие песни Визбора, как “На плато Расвумчорр” и “Полоцк”. Впрочем, о бардовской песне, и в частности о Визборе, речь ниже.

“Кругозор” был довольно дефицитным изданием, отец моего одноклассника Валеры Нойкина работал в ЦК КП Узбекистана и оттуда притаскивал ему свежие номера звучащего журнала и мы прослушивали у него всё самое интересное, а когда появились магнитофоны, то и переписывали кое – что оттуда.

Но песни звучали не только из радиол, патефонов, а позже магнитофонов. Они звучали с экранов кинотеатров. Песни из любимых кинофильмов, моментально уходили в народ и уже на следующий день после премьеры фильма можно было услышать как их распевают в различных кампаниях. Всех фильмов где звучали полюбившиеся песни невозможно перечислить: “Карнавальная ночь”, “Девушка с гитарой”, “Весна на заречной улице”, “Высота”, “Разные судьбы”, “Человек амфибия”, “Свадьба с приданным”, “Верные друзья”, “Первая перчатка”, “Девчата”, “Я шагаю по Москве”, “Дайте жалобную книгу”, “Карьера Димы Горина”, “Путь к причалу”, “Наши соседи” (помните Трошин там пел - Ты рядом, ты рядом моя дорогая), “Кавказская пленница” и т.д. и т. п.

Замечательные были музыкальные фильмы, оперетты. Скажу о двух наиболее популярных, с моей точки зрения, музыкальных произведениях, их частенько тогда показывали по телевизору. Первый фильм, - это “Аршин мал алан” с Рашидом Бейбутовым в главной роли. Очень давно смотрел я этот музыкальный фильм, но помню довольно хорошо. Там богатый купец Аскер, решил жениться, но поскольку по обычаям жених не мог до свадьбы увидеть будущую жену, никак не решался это сделать. Его друг Сулейман посоветовал ему стать на время бродячим торговцем тканей, - Аршин малчи. Мол, торговца за мужчину не считают, и он спокойно сможет присмотреть себе будущую подругу жизни. Аскер воспользовался советом друга.

Ай, спасибо Сулейману

Он помог советом мне

И после разных комических ситуаций находит невесту.

Я полмира обошёл, я любимую нашёл,

Под собою ног не чуя, свою милую нашёл.

Ай, ты моя дорогая, ай золотая.

Невесту он находит не только себе, но и другу Сулейману, а также своему слуге, который естественно женится на служанке невесты. В фильме есть уморительный дуэт слуги и служанки

-Деньги есть?

-Что-что?

-Деньги есть?

-Есть есть

-У тебя много их?

-Хватит нам на двоих

-Деньги есть, выйду я!

-Ах ты козочка моя!

Да и тётку выдаёт замуж за своего свёкра. В конце фильма четыре свадьбы. На одну меньше, чем в финале другого чудесного фильма, - “Двенадцатая ночь”. Там тоже были песни. По – моему две.

Одну пел шут, сыгранный Бруно Фрейдлихом:

Что - любовь? Любви не ждётся;

Тот, кто весел, пусть смеется;

Завтра - ненадежный дар.

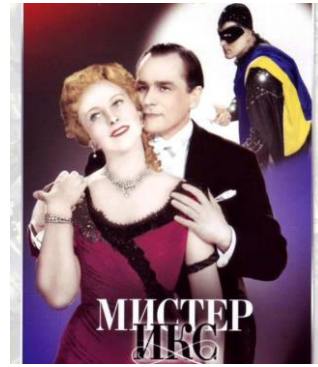
Полно медлить. Счастье хрупко.

Поцелуй меня, голубка;

Юность - рвущийся товар.

А вторую пела вся весёлая компания во главе с сэром Тоби, в блистательном исполнении Михаила Яншина, “Три весельчака мы динь динь дон”. Но я свернул в сторону, я хотел рассказать о другом фильме, фильме-оперетте “Мистер Икс” с великим певцом Георгом Отсом в главной роли. Вот эти два фильма, - “Аршин Мал алан” и “Мистер Икс”, были любимыми фильмами моей бабушки Марии Андреевны, и стоило только им появиться в программе телевидения, она бросала всё и садилась смотреть. Даже полностью ослепнув, она обязательно садилась перед телевизором во время показа этих картин и просто слушала.

Кроме замечательных арий в исполнении Отса, там был потрясающий комический дуэт в исполнении Григория Ярона и Гликерии Богдановой – Чесноковой.

Году в 63-м или 64-м у нас появился магнитофон, подарок отца моей старшей сестре. Магнитофон был с иностранным именем AIDAS. И тут уже пошла совсем другая музыка. Отец приносил записи песен сестёр Бэрри, - “Тум балалайка”, “Бублички”, “Хава Нагила”, “Кузина”.

Какие – то блатные песни, - “На Дерибасовской открылась пивная”, “Ах какая драма пиковая дама”. А какой – то неизвестный пел “Тот, кто раньше с нею был”, “Зека Васильев и Петров Зека”, “Когда с тобой мы встретились”. Лишь позже я узнал, что это был ранний Высоцкий. А однажды сестра принесла 500 –метровую бобину с записями неведомого тогда мне, Булата Окуджавы. И песни эти, стали для меня, 12-летнего пацана, откровением. Ежедневно

приходя со школы я включал магнитофон и слушал, слушал, слушал,

впитывая, часто не понятные для меня, но отчего – то волнующие фразы. Через пару лет, выучившись нескольким аккордам на семиструнной гитаре, я перепел весь репертуар с этой плёнки.

Были, конечно, ещё дворовые песни, которые исполнялись по вечерам, в тесной компании

пацанов и девчонок.

Сначала на Гоголя, на лужайке рядом с Горфаком ТашПИ, где мы, раскрыв рот и уши слушали ребят чуть постарше, которые пели под гитару песни, в жанре, который ныне гордо называют “русский шансон “

Я пишу тебе голубоглазая

Может быть последнее письмо,

Никому его ты не показывай,
Для тебя написано оно.

Или

Цыганка с картами, дорога дальняя,
Дорога дальняя, казенный дом.
Быть может старая тюрьма центральная,
Меня, парнишечку, по - новой ждет.
Таганка, все ночи полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня
Таганка, я твой навеки арестант,
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Потом классе в 8-м, мы стали собираться на Чимкентской, возле ЦУМа, сдружившись с ребятами-сверстниками из 110-й школы и там, в исполнении Валеры Нисенбойма, я впервые услышал песни Высоцкого про “Сентиментального боксёра”, про “Нинку”, про “Бал – маскарад”, про “Цветы на нейтральной полосе”.

А ещё немного повзрослев, тусовался я, как сейчас говорят, с друзьями и подругами либо на скамейке на улице Карла Маркса, прямо напротив дома Слонима, либо на 15-м квартале Чиланзара, куда я ездил к своей девушке. Там я подружился с местными ребятами и девчонками и по вечерам мы собирались во дворе опустевшего детсада и под пущенную по кругу бутылку “Баян Ширея” пели песни Кукина, Визбора, Окуджавы, Высоцкого. В той компании был и известный ныне ташкентский бард Саша Болодурин. Пели песни и неизвестных авторов. Например, вот эту:

Здравствуй, солнечный город!
Вот и встретились вновь!
Здравствуй, первая, нежная,
И большая любовь!
Ты и та, и не та уже
Отчего - не пойму
Почему же ты замужем?
Почему?

Город, нами построенный
В этом тихом краю краю

Сосны высятся стройные
Как солдаты в строю
Это был наш экзамен
Сквозь метель и пургу
Почему же ты замужем
Почему?

Мне здесь нечего делать
Да и климат не тот
Завтра в двадцать ноль девять
Улетит самолет
И на всякий пожарный я
Два билета возьму
Почему же ты замужем
Почему?

Или

Серебряные нити из короны
Седые волосы из кос не рви.
На горы посмотри, белеют склоны,
Высокие вершины впереди.

С тех пор, авторская песня стала моей спутницей на протяжении всей жизни. А Владимир Высоцкий, стал для меня не просто Поэтом, а человеком оказавшим огромное влияние на формирование моего мировоззрения. Впрочем, и Окуджаву, и Визбора, и Кукина и других бардов, я также могу назвать своими учителями по жизни.

Летом 1966 года, я, как ребёнок пострадавший от землетрясения, был вывезен вместе с целой группой таких же ребят и девчонок в пионерский лагерь под Ленинградом, в совершенно волшебный хвойный лес на берегу озера. И вот там я услышал просто огромное количество неведомых мне песен. У нас был воспитатель с гитарой, который часто пел для нас, своих подопечных, и тогда я впервые услышал “Девушку из Нагасаки” не зная ещё, что написана она замечательной поэтессой Верой Инбер.

Он капитан и родина его Марсель,
Он обожает шум и драки.
Он курит трубку, пьёт крепчайший эль

И любит девушку из Нагасаки.

У неё такая маленькая грудь,
А губы, губы алые как маки.
Уходит капитан в далёкий путь.
Целуя девушку из Нагасаки.

Или “Товарищ Сталин”, конечно не зная, что автором является Юз Алешковский.

Товарищ Сталин - Вы большой ученый,
В языкознании знаете вы толк,
А я простой советский заключенный
И мне товарищ - серый брянский волк.
За что сижу, воистину, не знаю,
Но прокуроры, видимо, правы.
Сижу я нынче в Туруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке вы.
В чужих грехах мы сходу сознавались
Этапом шли навстречу злой судьбе
Мы верили вам так, товарищ Сталин,
Как может быть не верили себе.

А однажды он спел нам песню про Ташкент.

Есть в Ташкенте речушка Салара,
Она быстро бурливо течёт.
А на той стороне "плановая" -
Развлечение в ней каждый найдет.

А потом спрашивает у меня,

- Правда в Ташкенте есть такая речка?
- Есть – говорю – недалеко от моего дома, только не Салара, а Салар.
- Вот – сказал он удовлетворенно – Песня не врёт.

Благодаря этому молодому “Макаренко с гитарой”, - 21 год ему был, - я привёз целую тетрадку песен.

Там была записана, написанная ещё до революции Сашей Чёрным:

Как турецкая сабля, твой стан,

Рот - рубин раскалённый.
Если б был я турецкий султан,
Я бы взял тебя в жёны.
И ещё
Если придется когда-нибудь
Мне в океане тонуть,
Я на твою фотографию
Не позабуду взглянуть.

В общем, пионерский лагерь “СЭВЭНЕРГОСТРОЙ”, значительно обогатил мой репертуар дворового семиструнника.

Среди Питерских. 1966 год.

(я внизу в центре)

Но было там ещё одно открытие в области песни. Целыми днями по радио нашего лагеря нам крутили песни группы The Beatles и группа эта, а затем и вообще рок – музыка стала моей любовью на всю жизнь. В Ташкент я вернулся уже совершенно другим, продвинутым, как сейчас говорят, подростком.

Рок считался чуждой для советского народа музыкой, в официальную советскую медиа культуру проникали крохи. Помню пластинку из серии, не помню точно, “Мелодии зарубежной эстрады”, кажется, так там звучала битловская Girl, но, то что это The Beatles написано не было, ибо само название группы долгое время было “табу”. А написано было, что это английская народная песня в исполнении безымянного вокально – инструментального ансамбля. Но ручейки информации, постепенно становившиеся речками, проникали сквозь дамбу советской идеологии. Источниками служили “вражеские” голоса, такие как “Би- би - си” и “Голос Америки”. По субботам включив “Спидолу”, мы с моим

другом Валерой Нойкиным слушали по “Голосу Америки”, концерт рок – музыки, который начинался в половине двенадцатого и продолжался, с перерывом на новости до часу ночи. Вели программу попеременно Владимир Осмоловский и Тамара Кит, - псевдоним конечно. Эта программа часто подавалась как концерт по заявкам. Оля из Ростова, или там Галя из Воронежа просят поставить, к примеру, песню Satisfaction, группы Rolling Stouns. Конечно, всё это придумывалось, никаких писем из Советского Союза не могло быть, но иногда было забавно. Как – то Тамара Кит говорит, - “Наташа из Свердловска просит нас поставить какую-нибудь песню в исполнении Дина Рида. Дорогая Наташа мы не знаем такого певца, послушай вместо этого композицию “Mamas and Papas” – “I Saw Her Again Last Night”. Долго мы хохотали.

Кроме передачи о рок – музыке, слушали мы по тому же Голосу, джаз - концерты с Уиллисом Конновером. Майлс Дэвис, Дейв Брубек. Это тоже было замечательно.

Это время было временем катушечных магнитофонов, и мы переписывали друг у друга записи западных музыкантов переписанные в свою очередь с фирменных пластинок, привезённых из - за рубеж. Сами пластинки стоили безумно дорого от 70 до 200 рублей и приобрести их для нас было практически невозможно. И магнитофоны, конечно, утоляли нашу музыкальную жажду.

А приезжающие к нам зарубежные исполнители, в основном из стран соцсодружества, восполняли вакуум живой музыки, в их репертуаре было некоторое количество популярной джаз и рок музыки.

Театр Свердлова, скольких исполнителей мы там перемотрели. Радмила Караклаич, Джордже Марьянович, Лили Иванова, Бисер Киров, “Червоны гитары”. В 70-м на сцене Свердлова мы посмотрели первую советскую рок – оперу “Орфей и Эвридика”, которую на музыку Журбина поставили “Поющие гитары”. Незабываемое впечатление. 16-летняя Ирина Понаровская и сладкоголосый Альберт Асадуллин в заглавных ролях.

Менее престижные музыкальные площадки нашего города тоже редко пустовали. На летней площадке ОДО мы смотрели молдавскую группу “Норок”, польскую “Breakout” и Саратовский “Интеграл” с молодым Барри Алибасовым. Во дворцах культуры и парковых площадках выступали наши

"местные группы, - "Скифы", "Синхрон", "Ваганты", "Киборги", "Синтез" и др. Музыкальная жизнь Ташкента 60-70-х годов прошлого века была даже не ключом, - фонтаном.

И именно с этого времени, середины 60-х, возникло и стало стремительно развиваться рок – движение в нашем городе.

Первая рок - группа города Ташкента, которую я увидел и услышал, была группа «Киборги». Вероятно, это вообще был первый ансамбль профессионально исполнявшим рок-музыку в нашем городе. Попал я на их выступление, ещё учась в школе, в 67-м или 68-м году.

Я и мой друг Рамиль Ибрагимов случайно узнали, что в кафе «Уголок» вечером будут выступать «Киборги», о которых мы слышали, но не видели никогда. Мы пришли туда задолго до начала, и, как оказалось, правильно сделали, так как здесь в кафе, на втором этаже, должно было состояться посвящение в студенты первого курса истфака ТашГУ и нас когда началось собственно мероприятие приняли за студентов – первокурсников и не выгнали. «Киборги» играли там весь вечер, поскольку Юра Батуев – соло-гитара и вокалист группы учился там в то время. Это действительно была первая рок-группа которую я увидел и услышал как говорить живьём. Правда за год до этого на вечере в 110-й школе мы видели выступление группы «Фазтон», но они играли на самодельных электрогитарах и с таким звуком, что слушать было практически невозможно.

Группа Киборги.

Затем, мы с друзьями были на первом концерте «Киборгов» в парке Тельмана и на самом последнем тоже, где они выступали в гусарских костюмах. Кроме «Киборгов» «вершили нашими умами» ещё несколько очень талантливых групп: это «Ваганты», «Синхрон» и «Скифы». Основателями «Вагантов» были Боря Новогрудский и Генрих Вальтер. Группа эта отличалась тем, что пела один к одному как битлы. Говорят, что они, записи Битлз, записанные на скорости 19 прокручивали на скорости 9 (кто помнит катушечные

магнитофоны меня поймут) и так сразу была слышна и понятна каждая интонация. Выступали они в клубах промышленных предприятий, успех имели оглушительный, но вскоре, после нескольких вызовов в КГБ группа перестала существовать.

“Ваганты”

А вот группа «Синхрон» вполне официально выступала на летней танцплощадке парка Горького в течении 68-го и 69-го годов. Руководителем у них был Виталик Зубарев, ушедший

впоследствии в «Киборги»), а вокалистом и автором почти всех песен был Гена Садовников. Первый раз я был на их концерте в ДК «Восток», а когда они стали играть в парке Горького, мы с ребятами не пропускали ни одного вечера.

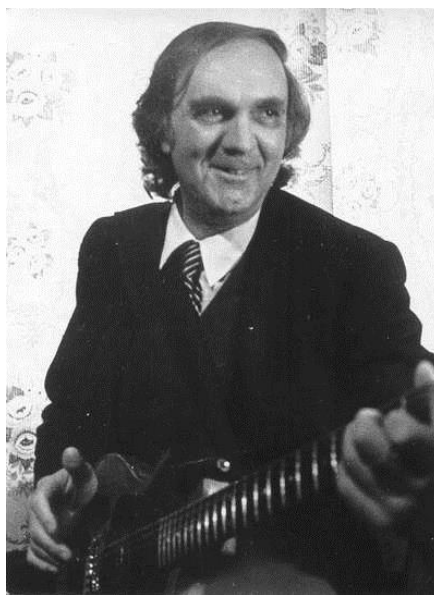

Гена Садовников был очень талантливый поэт и композитор. К сожалению, стихи его нигде не опубликованы, а я помню только обрывки песен:

Ты сказала, что придёшь.
Когда листья опадут.
Когда первые дожди
Влагу с ветром принесут.
Но вот выпал снег,
А тебя всё нет.

Гена Садовников, 69-й год

А это в 90-х

Самая известная его песня «Амазонки», которая вошла в репертуар «Киборгов» «Девы ищут в просторе паруса каравелл».

К сожалению Гена Садовников — талантливый музыкант и поэт, один из основателей ташкентского рока ушёл от нас осенью 2001 года.

Однако самой любимой группой для нас были «Скифы». Алик Козленко - сейчас проживающий в канадском Торонто, Саша Зурабов, Гриша Пушен (потом ушедший в «Яллу»), мои одноклассники Валера Трошков - звукорежиссёр группы, живущий ныне под Ригой, Валера Нойкин - вокалист и клавишник. Группа была создана на базе института физкультуры, где учился Козленко, отсюда и название,- Спортивный Клуб Института Физкультуры. Позже к ним присоединился, не побоюсь этого слова, виртуоз-гитарист Олег Чесноков - один из лучших гитаристов нашей страны со времен СССР. Уникальный музыкант, уже в 70-х, ставший легендой в Ташкенте.

Поиграв в Ташкенте в «Скифах», а затем в «Ялле», в конце 70-х он уезжает в Москву, и начинает карьеру в в джаз-рок группе «Слайды», где в 80-е годы играли самые лучшие

музыканты Советского Союза: бас-гитарист Валентин Лезов, барабанщик Александр Крюков, трубач Игорь Широков. Затем переходит в популярную группу «Надежда», кузницу многих популярных исполнителей. Из неё в частности вышли Владимир Кузьмин и Игорь Иванов.

Вот отрывок из интервью Игоря Иванова историку отечественной рок-музыки Валерию Колпакову, где он вспоминает о своём земляке:

- Как-то встретил Плоткина. Он мне предложил сольное отделение с ансамблем «Надежда», и я стал работать в качестве солиста с красной строкой на афише.

-«Надежда» тебе аккомпанировала?

- Да, но какая «Надежда»! Она на тот момент была блестящим коллективом. Мне аккомпанировали будущие музыканты «Динамика» вместе с Кузьминым. Как - то раз мы были в Новомосковске. Я слышу, он что-то напевает, и говорю ему:

- Володя, а что ты не поешь? У тебя голос как у «Санта-Эсмеральда».

- Да? А кто это?

И я ему дал послушать кассеты с записями.

Потом Владимир Кузьмин уходит из ансамбля и приходит Олег Чесноков. Я вот сам гитарист, очень люблю звук гитары, знаю многих гитаристов и понимаю, кто как играет. Олег — это большой талант. Он родом из Ташкента. После Олега пришел Алексей Белов - будущий «Парк Горького» и группа «Москва» с которым Тухманов познакомился в «Надежде».

- А Чесноков играл лучше, чем Пивоваров?

Они совсем разные. Оба одаренные и талантливые бесконечно. Оба блестящие гитаристы. Что очень важно. Вот, например, Олег говорит мне:

- Игорь, послушай, в каком стиле я играю?

И начинал играть.

- Блэкмор.

- А сейчас?

- Клэптон.

- А сейчас?

- Карлос Сантана. Он мог играть в любом стиле. Причем, как мне казалось, лучше оригинала. Нельзя сказать, кто из них лучше.

Чесноков играл на разбитом «Хофнере» без примочек, но он умел находить такие ноты, так строить соло, что становилось ясно перед тобой – мастер.

К счастью Олег и сейчас профессионально занимается музыкой, в его сегодняшнем репертуаре песни на стихи великих русских поэтов, композиции из репертуара зарубежных исполнителей: Chris Rea, Gary Moore, Mark Knofler, Santana, Joe Cocker.

Сейчас Олег живёт в Москве. Работает как сессионный и студийный гитарист в разных музыкальных стилях: блюз, джаз, рок. Одно время работал с Григорием Лепсом. Играет презентации, банкеты, концерты в клубах Москвы и по всей России. Но, вернусь к «Скифам». Группа была популярна невероятно, все концерты проходили с аншлагом, а однажды на концерте в Доме Знаний, фанаты просто вынесли двери.

"Скифы"

Весной 71-го года в Ташкенте проходил всесоюзный конкурс «Алло мы ищем таланты» Несколько дней во Дворце спорта «Юбилейный» проходил смотр региональных талантов. Вёл эти концерты-конкурсы молодой тогда Александр Масляков, а в жюри под председательством Таривердиева сидели маститые деятели культуры СССР. В результате в финал вышли, в категории солистов - Мансур Ташматов и Александр Троицкий (школьный учитель английского языка). А в категории вокально-инструментальный ансамбль (так тогда стыдливо называли рок - группы) -«Скифы» и только, что народившийся ансамбль «Ялла». Совершенно понятно, что в Москву на всесоюзный финал поехали Ташматов и «Ялла». Потом «Скифы» работали в Театральном институте, что-то делали с Марком Вайлем. Несколько их песен каким-то образом попали на радиостанцию «Монте Карло». Затем в середине семидесятых группа распалась.

Апофеозом и заключительным аккордом в истории группы был концерт в ДК "Октябрьской Революции", где они исполняя музыку Led Zeppelinn, Deep Purple и Джимми Хендрикса, довели зрителей до экстаза.

Были ещё две группы в начале 70-х которые играли джаз-рок. Это «Синтез» где после распада «Скифов» ударником был Саша Зурабов, мой хороший приятель в то время. Клавишником был Адик Якубов, тоже хороший мой знакомый, уехавший позже в Штаты, а лидером был Арсен Китанов, всегда очень экстравагантно прикинутый. Второй группой был «Интер» который тяготел более к джазу, чем к року. Эту группу я знал меньше. Ярким лидером «Интера», был Сергей Гилёв, впоследствии основатель Ташкентского джаз клуба, на

заседание которого в Доме Знаний мы часто ходили, будучи студентами. К горькому сожалению Сергея Гилёва также уже нет на этом свете.

Народный художник Узбекистана Р.Чарыев, Портрет Сергея Гилёва

Садовников в феврале 2001 написал песню памяти Гилёва, но пережил его ненадолго.

«Блюз-реквием музыканту»

Посвящается Другу и наставнику С.А.Гилеву

Он был музыкантом. Большим музыкантом

Трубадуром двадцатого века

Но в близком кругу не кичился талантом

Был прежде всего человеком!

О нем говорили — чудака и фанатик?!

Да и многим казалось странным

Что он променял все житейские страсти

На брейки и дробь барабанов.

Со временем в ногу, всегда в авангарде

О джазе он спорил так рьяно

За общее дело, не гордости ради

Душой болел неустанно.

Нежданно, не звано беда забежала

В настезь открытые двери

Потух огонек- меньше света не стало

Но горе в свечах не измерить

Не стало маэстро. Ушел безвозвратно
Моя песня звучит, словно реквием
Но в памяти, нашей, коллег-музыкантов
Останется жить он на веки!

И напоследок, хочу пару слов сказать про другую, менее яркую группу. Это группа, «Ровесники» которая базировалась в Винбочке - ДК Винзавода на Переушке, там же они давали концерты, на которые мы обязательно ходили. У них был здоровенный ударник Лёша Задорнов, который мне казалось, даст любой ритм даже телеграфными столбами. Он имел очень внушительный вид, но был совершенно мирным человеком. Вот собственно и всё, что я вспомнил о музыке тех лет.

А закончить своё путешествие во времени я хочу рассказом ещё об одной составляющей нашего бытия, которая связывает невидимой нитью все части моего повествования. Это улицы того, старого Ташкента. По ним мы ходили в кино и театры, на них мы играли, сидели на ступеньках и полянках играя на гитарах или делясь впечатлениями от прочитанных книг.

Улицы нашего детства, у них и запах был другой, особый, выветрившийся с годами.

За мной, мой дорогой читатель!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

УЛИЦЫ МОЕГО ДЕТСТВА

Помнишь ли товарищ этот дом?

Нет, не забываешь ты о нём.

Владимир Высоцкий

Иногда мне снятся удивительные сны. Сны, после которых я всегда просыпаюсь с чувством какого-то щемящего счастья. Мне снится моё детство, в котором ещё живы папа с мамой, снятся друзья, кого-то из них уже нет на этой земле, а иные разлетелись по разным странам. Снится тот Ташкент, тот - одноэтажный, с тенистыми зелёными общими дворами, с раскалёнными летними улицами, по которым мы бегали, обжигаясь, босиком, в чёрных сатиновых трусах. Такая «униформа» была в те годы у ташкентских мальчишек.

Наступила осень моей жизни - осень патриарха, и почему-то именно сегодня, в пасмурный осенний ташкентский день, уже не во сне, а наяву вдруг волнами стали накатывать на меня воспоминания - светлые воспоминания. И, слава Богу, что есть в нас потребность души в этой памяти. Так давайте же по волнам этой памяти проплывём по памятным местам моего детства и юности.

Глава 1

Дворы и улицы

Сначала город, в котором я впервые стал ощущать себя, казался мне маленьким. Он состоял из улицы и двора. Улица Топографическая, небольшая, скорее улочка, расположенная между Гоголя и Жуковской, тогда ещё мощённая булыжником - я помню, как потом её асфальтировали. И двор, в котором достаточно мирно жило 18 семей.

В первой квартире жили Кадушкины, у них у первых в нашем дворе появился личный автомобиль - Москвич-400. Помните, горбатенький такой? Один раз мы засунули в выхлопную трубу этого чуда отечественного автопрома картофелину и с удовольствием наблюдали тщетные попытки главы семейства завести мотор.

А ещё проживали во дворе Быковы - мать с сыном, Федорины, Соколовы, Розенфельды, Товмосяны, Юсуповы, Кротовы, Емельяновы, подруга моей старшей сестры Лиля Патиевская с мамой (отец её погиб на фронте); тётя Дуся с дочерью - она работала домработницей у Насриддиновой, Председателя Президиума Верховного совета республики. Фамилии остальных жителей выветрились из памяти.

Посередине двора рос огромный урюк. Урюк был общий. Сначала зелёные его плоды объедали пацаны, а когда то, что оставалось, а оставалось достаточно много,

были очень моложавые, и поначалу я думал, что это его родители. Но Валеркины папа с мамой и младшей сестрой жили отдельно. А во втором подъезде, опять же на втором этаже, жил ещё один друг детства - Юрка Дьяченко, он был постарше, но мы всё равно дружили. А в полуподвале (был в то время и такой вид жилья) жил Серёжка Чуватин - Чува, он был чуть младше.

Друзей у меня было много - в каждом дворе и даже с соседних улиц. Товарищи по уличным играм. Одноклассники и соседи.

Между Топографической и Куйбышевской располагалась совсем уж маленькая - машина с трудом проедет - улочка, которая собственно и называлась не улица, а переулок –

Топографический переулок. В самом начале переулочка находился детский сад для детей работников ЦК Компартии Узбекистана, сам ЦК тоже располагался неподалёку, на Гоголя, где теперь библиотека Академии наук. Выглядел он так.

В этот элитарный (слов, правда таких не было тогда) детсад ходили мои друзья, будущие

одноклассники Валерка Нойкин и Одил Юсупов, который жил в одном дворе со мной. Одилкины родители были врачами, отец работал в Минздраве чуть ли не замминистром.

Я же ходил в другой детсад. Вернее, не ходил, а ездил, поскольку находился он на Болгарских огородах. Это был ведомственный сад Ташкентского электротехнического завода, директором которого был мой отец.

За отцом приезжала машина, сначала чёрная “Эмка”, потом “Победа”, но за рулём неизменно сидел дядя Ашик - Ашот Барсемян, возивший отца более 25 лет - до конца своей жизни, и ставший не просто персональным водителем, не просто шофёром, а очень близким человеком для нашей семьи, практически родственником. Вместе с отцом садился в машину и я. Меня доставляли в детсад, и отец ехал дальше на работу.

А в конце Топографического переулочка жили “страшные” братья - близнецы Иванчики. Фамилия их, вероятно, была Иванченко, Иваненко, а может и Ивановы, но прославились они именно как Иванчики. Дерзкие, хулиганистые, гроза окрестностей. Наталья Васильевна, моя первая учительница (о ней речь ниже), рассказывала нам про них совершенно ужасные вещи: якобы мать близнецов от стыда за них бросилась под поезд, а они в этот день танцевали “буги-вуги”. Но, очевидно, врал, впрочем, как и всегда. В детстве Иванчики отняли у меня деревянную саблю, очень красивую, сделанную на отцовском заводе. Обидно было ужасно. Потом один из них стал известным спортивным

фотокорреспондентом, я иногда видел его на стадионе “Пахтакор” во время футбольных матчей, увешанного фотоаппаратурой. И в газетах потом видел его фоторепортажи. Что стало с другим - не знаю.

Были на нашей улице ещё и отдельные квартиры с входными дверями и большим крыльцом, выходящим на тротуар. Одна такая находилась на углу с улицей Гоголя, и жил там главный архитектор города Архангельский, страшный модник. Одевался всегда очень элегантно, как “денди лондонский”, носил галстук-бабочку, и первый плащ-болонья я увидел именно на нём. Потом, если идти дальше к Жуковской, был большой двор, где жил мальчик инвалид Юра. Он не мог ходить и ездил на инвалидной коляске с ручным приводом. От этого руки у него были накачанные, мускулистые, а ещё он очень здорово вырезал из дерева оружие, особенно пистолеты. Покрашенные в чёрный цвет, они на вид ничем не отличались от настоящих. Выменять на что-нибудь у него такой пистолет было большим счастьем для пацанов. А после этого двора опять было крыльцо, очень высокое, и красивая входная дверь. Кто там жил, я не знаю, поскольку очень редко видел, чтобы кто-то туда заходил. На этом крыльце мы часто сидели с ребятами либо играя в какую-нибудь сидячую игру, либо рассказывая друг другу истории или прочитанные книги.

А на другом конце улицы, на углу с Жуковской, был дом, где когда-то жил активный участник революционного движения в Туркестане Дмитрий Иванович Манжара, и оттуда под конвоем он ушёл на свою голгофу.

В этом доме, в гостях у Дмитрия Ивановича, несколько раз бывал Юлиус Фучик, известный чешский антифашист, журналист и писатель. В 60-е годы улицу назвали его именем, а в доме создали музей автора “Репортажа с петлёй на шее”.

Потихоньку мир, познаваемый мной, стал увеличиваться. Уличные прогулки с ватагой мальчишек расширялись географически. Я узнал, что в городе есть трамваи. Четвёртый номер ходил по Карла Маркса до ТашМИ, и мы подкладывали под проходящий вагон жестяные крышки от бутылок и получали что-то вроде монеток, которые использовали в своих играх. Однажды со старшими ребятами я проехал на этом трамвае до ТашМИ, это было захватывающее путешествие для 6-летнего мальчишки.

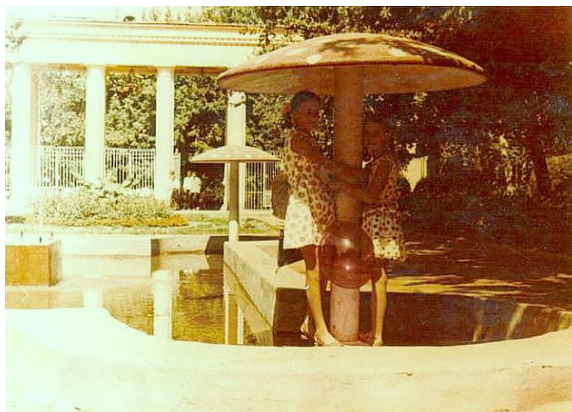
Иногда сестра или родители брали меня гулять в сквер или парк Горького.

Я помню, как в сквере ещё стоял Сталин, а в парк вход был платный, не знаю, сколько стоил билет, но некоторые молодые парни перелезали через забор-либо цена для них была непомерная, либо от неизбежной тяги советского человека к “халяве”. Хотя слова такого в обиходе тогдашнем не было, но

тяга была.

В парке вечером играл духовой оркестр, люди пили пиво; напитки покрепче в парке, по-моему, не продавались, но жаждущие и здесь как-то устраивались. Я же с удовольствием ел мороженое и пил лимонад.

Ходил я туда иногда и днём, с бабушкой: покататься на качелях-каруселях. И ещё, в парк Горького часто приходил один чудак, который коллекционировал игрушки. Он приносил в парк свою коллекцию (вернее часть коллекции) и демонстрировал её всем

желающим. Там были танцующие медведи, прыгающие обезьяны, поющие птицы, и мы, детвора, смотрели на это сказочное богатство разинув рты. Вообще, этот погибший парк являлся одним из самых культовых мест моей молодости. Учась в школе, мы сюда приходили классом или более узкими компаниями. Помнится, как однажды я получил там солнечный

удар и потерял сознание. Немножко повзрослев, я стал ходить в парк самостоятельно, с ребятами, вход тогда уже стал бесплатным. В парк этот я ещё вернусь в своём повествовании.

А география всё расширялась. Мама или бабушка водили меня к зубному врачу в поликлинику, что находилась на улице Кирова. Мы шли пешком по Куйбышева, пересекали сквер, далее по Карла Маркса, мимо Универмага, поворачивали направо на Кирова и почти доходили до улицы Сталина, переименованной позднее в Братскую. Походы к зубному были для меня страшным испытанием, но после экзекуции обязательно следовала компенсация за мои страдания: мне покупали, либо книжку в большом книжном, находящемся неподалёку, либо игрушку в “Детском мире”, который тоже был поблизости.

Затем пошли зрелища. Кукольный театр рядом с бывшим княжеским дворцом (тогда дворец пионеров) и цирк, который в то время располагался рядом с гостиницей “Ташкент”. И совсем уж далёкий по моим масштабам кинотеатр “Ватан”, где я смотрел с родителями “Илью Муромца”. Впрочем, об этом уже рассказал.

Кинотеатр “Ватан”

Старый цирк.

Да, и зоопарк, который был не очень далеко, а по взрослым понятиям и вовсе рядом.. Дойдя до Жуковской, нужно было повернуть налево и идти по ней два квартала. Сразу за поворотом был двор, где жил ещё один мой одноклассник-ЖорикАдибеков, по кличке Буча. А на углу Карла Маркса стоял аптечный ларёк, где мы покупали дымовые шашки предназначенные для борьбы с мухами, но мы использовали их при играх в “войнушку“, создавая дымовую завесу. Рядом киоск с мороженым. Фруктовое-7 копеек, сливочное – 13, эскимо 11, пломбир-16 копеек. И, кажется, ещё книжный киоск, помнится, именно там я купил “Волшебника Изумрудного города”.

А на противоположном углу был продуктовый магазин №18, куда позже родители посылали за солью, сахаром, хлебом. Дальше, по дороге к зоопарку, был небольшой хлебный магазин. Я помню очереди в нем во времена хрущёвского хлебного кризиса. Дальше нужно было пройти мимо 64-й школы, где сейчас, кажется, художественный колледж, потом протестанская кирха - тогда не действующая, поворот направо на Советскую, и вот они - ворота Ташкентского зоопарка.

Из-за близости этого зверинца я очень часто там бывал и до сих пор помню расположение вольеров и клеток.

Моя двоюродная бабушка Паша жила в одном из Жуковских переулков, которые по старинке называли Каларовские, и иногда мы ходили в гости к ней. Переулок, в котором она жила с мужем дедом Аверьяном, упирался в берег речушки Карасу. Деда Аверьяна, наверное, помнят многие старожилы тех мест. Он много лет стоял на углу Карла Маркса с напольными весами и силомером, предлагая прохожим проверить свой вес или измерить силу.

А ещё иногда по воскресеньям я отправлялся с мамой в Шумиловский городок в гости к бабушке с дедушкой. Мы выходили со двора, поворачивали в Топографический переулок, выходили на Куйбышевскую и ждали 5-й автобус на углу Жуковской. Автобус почему-то называли “дизель“. Рядом с домом маминых родителей тоже протекала Карасу, и летом я купался там с местными ребятами.

Ну вот, а в остальном всё детство моё прошло во дворе и на улице, в играх и развлечениях с товарищами. Впрочем, об этом я уже рассказал в другом очерке. А хочу я вспомнить ещё об одной вещи. Об арыках. По обеим сторонам нашейулицы, да и не только нашей, были арыки, в которых с весны до поздней осени журчала вода. Весенний день, когда она появлялась в арыках, был праздником для детворы. Мы пускали кораблики, строили плотины, а если погода позволяла, просто шлёпали босиком по воде. А жаркими летними днями мы открывали люк пожарного колодца; он всегда был полон чистой холодной водой, и мы по очереди окунались туда, а затем ложились вокруг колодца на асфальт и загорали.

От летнего зноя мы спасались водоёмах. Чаще всего ездили в Парк Победы на 2-м трамвае, хотя Комсомолка была ближе. А в старших классах ходили на Анхор в парк Гагарина, где купались и готовились к экзаменам. Там же я получил свой первый гонорар. На лужайке летнего кафе, где продавали пиво и жарили шашлык, пел под гитару Окуджаву и Высоцкого, а взрослые мужики щедро делились с нами за это снедью и питьём.

Двор в котором я появился на свет и жил до 1967 года, просто утопал в зелени. Вот фото, сделанное в сентябре 66-го года, на нём 14-летний автор этих строк со своей собакой Буяном, сзади видны распахнутые настежь ворота и часть улицы на которой стоят палатки - атрибут того времени.

Когда я родился, у нас было три комнаты и терраса, ну и кухня небольшая. В одной комнате жила баба Маня - Мария Андреевна, отцова мать с третьим мужем Петром Николаевичем, редкой, надо сказать, скотиной. Писал доносы на всех. На соседей, на отца моего. Когда он умер в больнице, моя мама разрыдалась от нервного потрясения, от того, что избавились наконец от этого человека, а санитарки в больнице удивились: “Надо же, как сноха убивается, наверное, хороший человек был”. Ко мне он, правда, неплохо относился, игрушки мастерил.

В другой комнате с камином (правда, не действующим, но очень красивым) жили родители, в третьей - я с сестрой Раисой, а когда в 65 году сестра вышла замуж за своего однокурсника, самаркандского парня Валеру Аракелова и уехала в Самарканд, я жил в этой комнате один. Потом отец пристроил ещё одну комнату, затем ванную с туалетом (до этого все удобства были в общем дворе), и к 66-му году мы жили вчетвером в шикарном по тем временам доме. Ещё у нас во дворе был сарай и гараж, где стояла папина “Победа”. Приобретена она была после хрущёвского указа о сокращении количества персональных машин, и огромная партия автомобилей была выброшена в свободную продажу по

остаточным ценам. Отец её купил, если память мне не изменяет, за 600 рублей. Такая же “Победа” была и у Карим Юсуповича Юсупова - отца Адылки, о котором я уже упоминал. Уже после смерти отца, где-то в конце 80-х, Карим Юсупович, будучи у нас в гостях, рассказал потрясающую историю, о которой ни я, ни мама моя не знали. Однажды утром Карим Юсупович выгонял свою машину из гаража и, вероятно, по неопытности ударил и помял переднее крыло. Машину он оставил и пошёл на работу пешком. Когда же вечером, вернувшись с работы, он первым делом зашёл в гараж, то к великому своему изумлению увидел, что крыло целое. Оказывается, мой отец, утром уезжая на работу, стал свидетелем этой аварии и прислал с заводского гаража двух автослесарей, которые и устранили дефект. Наш сосед был совершенно потрясён этим событием.

Помню гипсовую лепнину на потолке. Когда 26 апреля 66-го года кровать моя заходила ходуном, я проснулся, но честно скажу, не очень испугался и собирался спать дальше, но мама из соседней комнаты стала кричать: “Вова, Вова, вставай”! Я сел на кровати, и в это время прямо на подушку, где мгновение назад была моя голова, упал огромный кусок лепнины. Больше я не заснул.

Но это всё будет ещё не скоро, а пока мы в самом конце 50-х. Закончился мой детсадовский период и наступил 1959-й год.

Глава 2

Школа №60

1 сентября 1959 года меня, в новенькой школьной форме, с ранцем за спиной отвели в первый класс школы №60, что находилась на углу улиц Гоголя и Куйбышева и где сейчас расположено посольство Франции, и, надолгих 10 лет маршрут “дом – школа” и обратно, стал главным моим маршрутом.

Первая моя учительница, вопреки хрестоматийному образу, не стала для меня, “второй мамой” и “ласковым поводырём” по морю знаний. Нет, Наталья Васильевна чётко разделила класс на “любимцев” и “нелюбимцев” и относилась к маленьким ученикам в соответствии с этой градацией. Я попал во вторую группу и хлебнул целую пригоршню обид и унижений. Не знаю, чем я заслужил такое отношение, но охоту учиться она мне отбила напрочь. Слава Богу, что любовь к чтению проявилась у меня до школы. И то, что я всё-таки выучился и получил высшее образование, случилось вопреки горькому опыту моих первых школьных лет.

Однажды на перемене, я схватил за руку и дёрнул за косичку девочку-одноклассницу, девочку, которая мне нравилась, такое детское признание в любви. Это увидела наша строгая наставница и весь следующий урок был посвящён мне. Меня поставили перед классом, и Наталья Васильевна прочла целую лекцию о фашизме. Я был

уподоблен Гитлеру и Гимmlеру, а также садистам-гестаповцам, пытавшим партизан-подпольщиков. Через три года её всё-таки уволили, но дело своё она уже сделала. Тем не менее ходить в школу мне нравилось. Тот неповторимый запах натёртых полов в старом дореволюционном здании я помню до сих пор. Помню школьный буфет, коржики по 10 копеек, впрочем, до второго класса они стоили рубль. Произошла деноминация, деньги уменьшились в 10 раз. В начале 61-го года утром я шёл в кино, сжимая в руке 10-ти и 15-ти копеечные монеты и это было так удивительно после больших купюр, и я всё смотрел и смотрел на эти блестящие кругляшки и думал, как я сейчас протяну их кассирше в кинотеатре и возьмёт ли она их у меня.

3-й класс. В центре Наталья Васильевна.

В 4-м классе у нас началась чехарда классных руководителей. С калейдоскопической быстротой менялись учителя, претендующие на эту должность, но по каким-то причинам, долго не задерживались. Это напоминало “Республику Шкид”. Да и класс наш, вероятно, из-за отсутствия дисциплинатора стал совершенно неуправляемым, точно, как в повести Черных и Пантелеева. И вот, наконец, пришла и осталась надолго, до самого 10-го класса, Ирина Евгеньевна Костина, наша “Ирина”, которая и стала для всех нас “второй мамой”. Несмотря на свою молодость, примерно 22-23 года ей было тогда, она сумела найти ключ к нашим душам, ибо была педагогом от Бога. С глубокой благодарностью вспоминаю я эту удивительно добрую женщину с большим сердцем. А преподавала нам она математику.

Впрочем, были ещё учителя, о которых я вспоминаю с теплотой. Евгения Михайловна Барашкова, по литературе и русскому языку. Вот она меня любила и отличала, поскольку литературу я действительно любил и обладая довольно хорошей памятью знал огромное количество стихов, а уж выучить стихи из школьной программы было для меня делом простым. Да и сочинения я писал неординарные и одно, помню, по картине Васнецова “Три богатыря”, даже отправили на какой-то городской конкурс.

7 ноября 1965 года в семье Барашковой произошла страшная трагедия. Погибла 7-летняя Леночка, дочка Евгении Михайловны. Празднуя годовщину Революции, какой-то полковник, пытался произвести салют из своего табельного пистолета, произошла осечка, офицер попытался что-то исправить, прогремел нечаянный выстрел, и пуля попала в висок маленькой девочки. Поняв, что он натворил, полковник застрелился, но Леночку было уже не вернуть. Всем классом мы ходили на похороны, и я никогда не забуду страшные глаза на застывшем лице моей учительницы литературы.

5-й класс. Внизу сидят: Ирина Евгеньевна Костина, Анастасия Алексеевна Кравченко (директор школы), Людмила Константиновна Токарева (завуч.)

В 61-м году школа стала специализированной, с глубоким изучением немецкого языка и учителей немецкого сразу прибавилось, поскольку появились такие предметы как история Германии, география Германии, литература Германии, и все они велись на немецком языке. Преподавателем немецкого была и директор школы, Анастасия Алексеевна Кравченко. Как-то на радио состоялась передача, посвящённая нелёгкой судьбе нашей директрисы. Передача была облачена в художественную форму и в ней приняли участие я и ещё двое моих одноклассников, - Валера Нойкин и Лариса Григоренко. Сюжет там был такой: трое друзей, два мальчика и девочка, шли, беседуя, по улице и увидели женщину, несущую тяжёлые сумки. Естественно, как и положено пионерам они вызвались помочь, и

донесли сумки до дома. Женщина пригласила их в дом, напоила чаем с вареньем и во время чаепития рассказала о своей жизни. Это и была Анастасия Алексеевна.

Я помню, как она расплакалась, вспоминая свою жизнь. Почему-то у неё не оказалась платка носового, и Валерка ей свой отдал. Вообще, очевидно, из-за близости радиокомитета, нас троих часто приглашали на такие мероприятия. Мы вели иногда “Пионерскую зорьку”, ещё какие-то сюжеты. Помню на Красной площади, мы с Лариской на трибуне стихи читаем, а Валерка, красавец, стоя в открытой машине, отдаёт рапорт Павлу Корчагину, который сидит на коне. Потом в ОДО какой-то слёт комсомольский и мы опять: "То, что отцы не достроили, мы достроим. То, что отцы не допели, мы допоём"

Ирма Стефановна Крижановская, одна из учителей немецкого языка, вернее наша основная “немка”. Большую часть немецких предметов преподавала именно она. Умная, интеллигентная и очень тактичная женщина. Позже я несколько лет проработал в Госстандарте с её мужем Виктором Павловичем Гандельманом.

Учительница физики Нелли Александровна. Такая же молодая, как и Ирина Евгеньевна. Они и пришли вместе после института. Много позже я встретил её в 19-й школе, где она преподавала всю ту же физику уже моим дочерям.

Менавар Ахмеджановна Енилеева, преподавала узбекский язык, - заслуженный учитель УзССР, она была одним из авторов учебника, по которому мы учились.

Единственный, кажется, мужчина в школе, учитель по труду Эдуард Михайлович Гусанов, статный мужчина с усами и большим кадыком. Нет, вспомнил был ещё некоторое время учитель пения, тоже импозантный такой мужчина, но имя его забыл напрочь.

Светлана Захаровна, учительница физкультуры, чем - то похожая на героиню фильма “Семь стариков и одна девушка”. О ней я уже рассказал.

Уже прошло лет сорок после школы,
И мир моих друзей уже не молод,
Не обошли нас беды стороной.
Но ночь темна, а день, как прежде, светел,
Нам внуков нарожали наши дети,
Пусть наша осень станет их весной.

Глав 3

Улица Гоголя

Улица Гоголя. Сколько по ней пройдено-пробегано шагов. По этой улице я с мамой или бабушкой ходил на Алайский базар за продуктами, неизменно проходя мимо памятника Гоголю, с ребятами бегал в кино, в

незабвенную “Тридцатку”, ходил в библиотеку, что на углу Пушкинской, чтобы взять какую ни будь интересную книжку.

А отрезок улицы между Куйбышевской и Карла Маркса, это отдельная песня. Наш мини- Бродвей. Хватит ли у меня слов, чтобы передать тот аромат цветущих роз, что росли в клумбах разделяющих улицу на две части, то состояние восторженного познания мира, которое происходило на этом узком отрезке.

Здесь находилось ЦК компартии Узбекистана, куда часто приезжали высокие гости. Помню Фиделя Кастро, который приезжал, по-моему, в 62-м году. Он вышел из открытой машины куря сигару и, прежде чем войти в здание, выбросил окурок в кусты, потом мы, пацаны, безуспешно пытались его там найти. Помню визит Хрущёва, который тоже приехал в открытой машине, тогда террористов, как-то не опасались. Какая-то женщина с “искажённым лицом” бросилась к нему с криком, - “Никита Сергеевич, Никита Сергеевич” протягивая ему письмо в конверте. Но бравые “секьюрити” моментально её скрутили, письмо отобрали, и куда-то увели.

Если идти со стороны Куйбышевской по левой стороне этой улицы, то сначала шла наша школа, затем ворота гаража ЦК, само ЦК, потом горный факультет ТашПИ, где рядом с ним на лужайке, летними вечерами, собирались ребята и пели под гитару, потом шли дворы где жили мои друзья и знакомые, одноклассники, ребята постарше и ребята помладше, но все ученики школы, в которой учился и я. Горный факультет потом перевели в Вузгородок, а в это здание переехал химфак, где в 80-х я принимал экзамены по электротехнике у студентов-химиков.

Запомнился мне еще дом на углу с Карла Маркса, в 66-м году, после землетрясения, у него вывалилась наружу стена, и весь внутренний интерьер предстал как театральная декорация. Там стояли кресла, стол, торшер. Это было поразительно, словно иллюстрация к Шекспиру, - “Весь мир театр и люди в нём актёры”

А если идти по правой стороне, то напротив школы жили сёстры Лебедевы - Ольга и Надя, в доме с высоким крыльцом. Ольга училась в одном классе со мной, а у Нади, которая училась на класс старше, уже в школе был долгий и красивый роман с Адиком Алиленко, красавцем и блатарём. Кончил Адик, плохо. Сел и на зоне погиб, по слухам его повесили сокамерники. А я вспоминаю, как в актовом зале школы я, Адик и Тигран Аванесов пели песню “Искры в камине”.

Искры в камине горят, как рубины,
И улетают дымком голубым.
Из молодого, цветущего, юного
Стал я угрюмым, больным и седым.

Что же нам делать, коль юность растрочена?
Что же нам делать, куда нам пойти?
Нет, не могу я с тобой, сероглазая,
Горем делиться от злостной тоски.

Дальше пойдём мы дорогами разными,
Счастье своё ты на танцах найдёшь.
Я же пойду той тропинкой протоптанной,
Где ты меня никогда не найдёшь.

Может быть, в жизни ты встретишь товарища,
Может полюбишь, сильнее чем меня.
Но не потушить тебе сердца пожарище
И не залить в моём сердце огня.

Искры в камине горят, как рубины,
И улетают дымком голубым.
Только злодейкой под старость подкралася
К сердцу больному хмельная любовь.

Смешно конечно, стоят три юных балбеса и с огромным чувством поют, как под старость подкралась к ним любовь.

А рядом с домом, где жили сёстры Лебедевы был двор где жил Марик Лобанч, он увлекался радиоделом и собирал марки, я его помню именно по маркам, поскольку учился он в другой школе. Как-то увидел его в сети, обретается он теперь где-то на Дальнем Востоке.

Потом шёл ещё один двор, потом надо было перейти мою улицу, перпендикуляром упирающуюся в Гоголя, чуть дальше была маленькая женская парикмахерская и рядом двор, где в деревянном 2-х этажном доме (хотя может он был и не деревянный, но я запомнил деревянную лестницу прямо со двора и огромную общую террасу наверху, тоже деревянную), жил несколько странноватый Валерка Лейбин, который тоже учился с нами какое-то время. Я с ним часто дрался в детстве почему-то, и даже уже после школы, как-то встретив в парке Горького случился у нас конфликт. Затем управление гражданской авиации и там, во дворе жил Марик Каганов скрипач и фарцовщик, малолетний бизнесмен торговавший всем, - марками, пластинками, иностранными журналами, фотографиями в стиле “ню”, которые он в школе впаривал пацанам в пору их полового созревания. Но музыкант он был незаурядный. В старших классах, на переменах мы запирались в актовом зале и Марик лабал нам “рок-н-ролл” на раздолбанном школьном фортепьяно. А потом

вместе с Валеркой Нойкином и Рамилем Ибрагимовым, ещё одним моим одноклассником, они организовали ансамбль при клубе Винзавода, “Винбочке” как мы его называли.

За двором где жил Марик располагалась столовая ЦК, сейчас там какое-то посольство, не то таиландское, не то афганское.

Ну, а дальше, после пересечения с Карла Маркса, на углу было здание, если не ошибаюсь Союза композиторов Узбекистана, потом старое здание принадлежащее когда-то свояку Керенского архитектору Сваричевскому. Сейчас здесь английское посольство. Дальше опять дворы, дворы, до улицы Советской. Там путь обычно разветвлялся, если в кино – направо, если в библиотеку – прямо. Библиотек, кстати было две, одна на углу Советской, а вторая на другой стороне на углу Пушкинской. Я был записан во вторую и за 10 лет перечитал там уйму книг.

Это вот ближняя библиотека, та, что возле “Тридцатки”. Теперь здесь Республиканская детская библиотека Узбекистана.

Ещё на этом отрезке, в одном из дворов возвышалась старая пожарная каланча, очевидно когда-то здесь была пожарная часть. Однажды со своим приятелем Витькой Кротовым мы туда залезли, было круто.

А другим концом улица Гоголя заканчивалась воротами в трамвайное депо – Таштрамом. Однажды там снимали большой эпизод фильма “Буря над Азией”. Со стороны Жуковской вылетал конный отряд красноармейцев с шашками наголо и криками “Ура”, с другой стороны двигался трамвай, заgrimированный под бронепоезд, стреляли пушки. Было страшно интересно.

Прямо напротив школы, если перейти Кубышевскую, был какой-то химический НИИ, рядом с которым полянка, служившая нам пацанам местом выяснения отношений на кулаках, толковищем. Там происходили честные поединки один на один. Точно, как в песне Розенбаума.

Глухари на токовище, бьются грудью до крови.

Расходились не на шутку, быть бы живу.

Так и мы когда-то жили, от зари и до зари,
И влюблялись, и любили, мчались годы с той поры.
Мчались годы, стерлись клювы, раны зажили давно
Только шрамы доброй памятью остались

Но вернёмся к нашему мини Бродвею, к клумбам с розами. Туда на эту вытянутую площадку приходили девочки и мальчики с окрестных улиц, чтобы пофланировать туда-сюда, себя показать, других посмотреть. Собирались стайками, по интересам, кто-то катался на велосипедах или самокатах, кто-то сплетничал. Выходил с гитарой Марик Каганов и показывал какие-то пассажи, утверждая, что именно так играет Джон Леннон.

Вечерами там собирались девочки, как из моего класса, так и постарше, и на класс, и на два класса. Помню этих юных, расцветающих красавиц. Наташа Юдина, Лариса Бухвис, Лена Егорова, Ольга Сташис, другие. И почему-то эти девочки очень любили общаться с тремя пацанами, которые были младше них. Это я, Валера Нойкин, и близкий мой друг, очень рано ушедший из жизни Юра Бондарь. Общались они с нами достаточно раскованно, может, отработывали свои женские приёмчики, не знаю. Ленка Егорова, самая разбитная девочка из этой компании, брала нас с Нойкиным под руки и гуляла туда-сюда, рассказывая не очень приличные анекдоты. Справедливости ради надо сказать, что не все из них мы понимали. Но аромат роз, близость юного женского тела, которого мы как бы невзначай касались, кружили наши мальчишеские головы.

Из окон школы выходящих на Гоголя мы как-то всем классом вылезли, чтобы сбежать с уроков и пойти в кино. Как сейчас помню Наташку Танан спускающуюся с подоконника с высоко задравшейся юбкой школьного форменного платья, и себя внизу, помогающего ей спрыгнуть.

А зимой, когда выпадал снег, начинались другие развлечения. Гоголя правда не очень подходила для зимних видов спорта, а вот моя улица, в связи с тем, что машин по ней проезжало мало, было самое то. Санки, коньки, снежки. А с горки кататься мы ходили на Жуковскую, где напротив 145-й школы, был высокий забор Винзавода и довольно протяжённая горка. Не знаю, может мне кажется, но раньше снег держался довольно долго, и мы успевали вдосталь накататься на подручных средствах, накидаться снежками и намылить девчонок снегом. Зимние каникулы продолжались две недели, но иногда в связи с эпидемией гриппа объявляли карантин и занятия отменялись. Вот это был праздник.

Конечно, вечерние развлечения не ограничивались только улицами Гоголя и прилегающих к ней. Были ещё места, которые играли очень значимую роль в моём детстве и юности.

Глава 4

Парк Горького и сквер

После окончания учебного года и последнего звонка мы, как правило, шли в сначала кино, в “Тридцатку”, а потом в парк. А в летние каникулы практически каждый вечер мы проводили здесь.

Путь туда от моего дома пролегал мимо школы, затем до Первомайской, где в угловом дворе жила моя первая любовь, девочка Галя. Здесь же на углу будка телефона – автомата, из которого я часто ей звонил, иногда просто дыша в трубку. И вот отсюда к парку можно было пройти двумя путями, либо свернув налево через дворец Митрофанова, мир его праху, либо пройдя дальше по Куйбышевской. Сразу за палисадником, в который выходили

окна девочки Гали, был Радиокomiteт, куда весной мы лазали за сиренью, затем дореволюционное здание музея истории. А на другой стороне авиационный техникум и ресторан “Бахор” . Иногда на большой перемене мыбегали сюда в “Кулинарию”, что в торце ресторана, отведать свежееиспечённых беляшей со стаканом

сладкого горячего кофе. Беляши по тринадцать копеек, кофе-по одиннадцать. И вот как раз между техникумом и рестораном были ворота в парк. Но можно было пройти ещё дальше - не доходя до кафе “Буратино”, находились ещё одни ворота.Центральный же вход в Парк Культуры и Отдыха имени пролетарского писателя Максима Горького смотрел на сквер.

“Тусоваться”, как сейчас говорят, в парк приходила, в общем-то, одна и та же публика. Были здесь и свои колоритные персонажи. Например, армянин Вовуля, невероятно полный человек, частенько играющий там в нарды. Культурист Янис, поражающий всех своим рельефным торсом. Вообще греков было много, да, впрочем, много было и армян, и евреев и других представителей более ста тридцати национальностей проживающих в этом среднеазиатском Вавилоне. А какие потрясающие девушки прогуливались по аллеям.

В парке как на пристани
Рыбалка круглосуточно
Гражданки словно с выставки
Забрасывают удочки.

И об этом есть у Розенбаума, и мы ловились на эти удочки, да и сами забрасывали их. В парке был открытый кинотеатр, где показывали документальные и

мультипликационные фильмы. Была огороженная кирпичным забором летняя эстрада, где проходили концерты доморощенных артистов. И, самое притягательное для нас, - танцплощадка. Какое там бывало столпотворение. Ансамбль играл популярно-разнообразный репертуар. Сиртаки – и греки, обняв друг-друга за плечи кружились по окружности танцпола. “Семь сорок” - и в круг, засунув большие пальцы в воображаемые жилетные карманы, входили представители еврейской диаспоры. И конечно, нельзя было удержаться, чтобы не присоединиться к этим зажигательным пляскам. На танцах знакомились, здесь завязывались романы. Случались и драки. Но за порядком зорко следили дружинники и участковый, звали его, если память мне не изменяет Михаил Иванович, который прекрасно знал местную публику.

Однажды, довольно большой компанией мы сидели на скамейке, на той самой открытой киноплощадке и у меня в кармане обтягивающих джинсов была губная гармошка. Идёт Михал Иванович, увидел мой выпирающий карман и ко мне.

“Ну – ка, давай сюда нож”,

“Это не нож, - говорю, - Михал Иванович, это губная гармошка, вы же знаете мы оружия не носим, музыканты мы” – говорю - Не шпана”

“Какая гармошка, быстро нож давай сюда”

Я вытаскиваю музыкальный инструмент, и вижу нескрываемое изумление на лице блюстителя порядка.

А в 68-м году на музыкальную вахту на танцах заступила рок-группа “Синхрон” и зазвучала там уже совсем другая музыка.

Гена Садовников, солист и автор песен группы, надолго стал для нас кумиром. Поскольку играли они каждую субботу и воскресенье, весь их репертуар мы знали наизусть.

И танцплощадка парка Горького стала рок-центром Ташкента. Очень часто туда приходили другие рок-музыканты - “Скифы”, “Киборги”, “Ваганты” и начинался такой джем-сейшен, такой драйв.

В 68 или в 69 году Эльдар Ишмухамедов снимал фильм “Влюблённые”, одна из сцен фильма проходила как раз на танцплощадке в Парке Горького. Только вместо группы “Синхрон” играла группа “Киборги”, бас – гитарист которой, Володя Барамыков, сыграл в фильме эпизодическую роль хулигана Саши. В качестве танцующих снимались постоянные “тусовщики”, в том числе и я. Снимались мы весь вечер и заработали по трёшке.

Но перед тем как пойти в “парчок”, мы неизменно начинали вечер в сквере.

Парк Горького и сквер. Если сравнить эти два центра притяжения жизни молодых повес того времени, то это как Москва и Питер. Если Москва большей частью плебейская, купеческая, бесшабашная, всюду развлекающаяся и развлекающая, то сквер как Питер - аристократический, несколько академический, интеллигентный, даже интеллектуальный.

Три кафе, расположенные там, служили нам стартовой площадкой. “Снежок”, “Лотос”, “Дружба”.

Выбор зависел от нашей платёжеспособности. В “Снежке”, было только мороженое, в “Лотосе” ассортимент расширился, к мороженому добавлялось сухое вино и шампанское. Ну, а если, что случалось редко, в карманах появлялась достаточная сумма, то конечно выбиралась “Дружба”.

Кафе “Лотос“ (старое фото)

Кафе “Дружба”

Как славно мы общались в этих “скверных” кафешках или - прямо на скамейках под платанами. В сквере у памятника назначались свидания или “забивались стрелки”. Отсюда от сквера начинался вечерний маршрут – в парк, в кино, в театры.

А прямо за сквером ещё одно кафе, - “Уголок”, как же можно о нём забыть. Здесь мы впервые услышали “Киборгов”. Здесь, была свадьба Валерки Трошкова, моего одноклассника и звукорежиссёра “Скифов”, проживающего ныне под Ригой, на своём хуторе. На свадьбе этой играли “Скифы” и легендарный Олег Чесноков поражал нас своими виртуозными пассажами и гитарными рифами.

В этом кафе я часто сидел со своей будущей женой, запивая “Монастырской избой” жареных цыплят.

Неужели это было? Неужели это было?

Неужели это было? Столько лет

Минуло с дней тех юных

Головы припорошило,

Головы припорошило,

Неужели это было так давно?

Так поёт Саша Розенбаум. Поёт про своё счастливое детство. Но ведь и про моё тоже, ведь мы одного поколения, про моё тоже, потому что хоть и жили мы в разных

городах, но в одной стране и в одно время, читали те же книги, смотрели те же фильмы, слушали те же песни.

Не во сне, не в бреду,
В шестьдесят втором году,
Содой пряжку от ремня
Начистив, как всегда до блеска,
Первый пласт, первый джаз.
Я пошёл в четвёртый класс -
Это было очень интересно.

Мама с папой врачи.
Не дремали стукачи.
Рассказал на переменке анекдот я про Никиту.
И в одиннадцать лет
Повели на педсовет.
Обошлось, но дело было шито.

Было всё это так.
Домны плавил металл.
И меняли "дудочки" ребята на клеши от "Битлз".
И, пока я в кафе
Нёс её большой портфель,
Управдом засаживал свой литр.

Абель враз обрусел,
И туфлёю при всех
Колотил наш Генсек по трибуне.
Окуджава гремел,
Но на нашем дворе
Был я самый крутой семиструнник,

Ведь как и он я тоже в 62-м году пошёл в четвёртый класс и у меня был “первый пласт и первый джаз”. И мне однажды хотели пришить политику за рассказанный анекдот. И клёши как у “битлов” мы шили в ателье на Карла Маркса. И в нашем дворе я тоже был “самый крутой семиструнник”

В коротеньких штанишках,
Забросив в парты книжки,
Как в катакомбы, лезли в кучи дров,
И в синей форме новой
Усталый участковый
Ловил нас в паутине чердаков.

Мальчишка несмышленный,
Я по уши влюбленный
Часами мог ее в подъезде ждать,
И зимними ночами
Озябшими руками
Аккорды струн стальных перебирать.

Заборы трехметровые
В цвет грязно канареечный,
Гоняли участковые
Нас с голубых скамеечек.

В кино билетик синенький,
Как пропуск на свидание,
А там листком осиновым
Дрожат коленки Танины.

Жалели нас парадные
Нагретым подоконником,
И платьица нарядные
Расстегивались школьные.

Менялась наша жизнь вместе с шириною брюк,
И плечики опять приходят в моду,
Но если посмотреть чуть-чуть внимательней вокруг,
То, Боже мой, как изменилось все за годы!

Как всё знакомо. И “в кино билетик синенький, как пропуск на свидание”, и платьица

школьные тоже помню. И “озябшими руками аккорды струн стальных перебирать”, это тоже про меня. И как быстро всё пролетело. Как быстро.

Глава 6

Карла Маркса, Первомайская, Куйбышева

Об улице Карла Маркса написано немало воспоминаний. Но это о той её части, что называлась ташкентским “Бродвеем”. С универмагом, театром Горького, книжным магазином, детским миром, гастрономом и прочее, и прочее. Я же хочу вспомнить, другую её часть, ту, что шла от сквера и продолжалась до улицы Жуковского.

Здесь также проживало огромное количество моих друзей, одноклассников и просто знакомых людей. У самого сквера стоял красивый 2-х этажный дом с большим проходным двором, выходящим на Куйбышевскую.

В этом дворе жил мой одноклассник Йосик Вайнштейн, ныне благополучно проживающий в далёком городе Нью Йорке. Напротив, был двор где жила Евгения Михайловна, та самая учительница литературы потерявшая маленькую дочку.

Затем пересекаем Хорезмскую, на которой, кстати, тоже жили знакомые. Жила, в частности, Ира Красюкова, моя одноклассница в младших классах, ныне известная в узких кругах “заводчица” среднеазиатских овчарок. Она была дочерью священнослужителя, за что ей изрядно доставалось всё от той же Натальи Васильевны.

Но пойдём дальше по Карла Маркса. Вот двор, где жили ещё одни мои одноклассники Серёжка Комиссаров и Женька Мушкарёв, сын Вадима Георгиевича Мушкарёва, директора лампового завода. Жил он с бабушкой, родители жили отдельно на улице Навои. Серёжка ныне проживает в столице Белоруссии, а Жени к горькому сожалению уже нет с нами. Дальше одноэтажный дом с крылечком, где жила некая Люся то ли Шубина,

то ли Шубарина, которая содержала здесь подпольный бордель. Однажды мы довольно жёстко подрались с её клиентами. Уж чего не поделили не помню. А прямо напротив, очень значимый для меня адрес. Улица Карла Маркса, дом № 53. Здесь жил Вовка Востриков, одноклассник и близкий друг юности моей. У него во дворе была очень уютная, оборудованная кладовка, вполне жилая, где мы часто сидели после школы или вечером, когда погода не позволяла гулять. Общались, немножко выпивали, играли в “тышу” и “кинга”, а позже и в “преферанс”, слушали магнитофон, пели под гитару. Уже после школы, так как переехал я довольно далеко, иногда оставался здесь ночевать. В этом же дворе жила Дина Шангарина, знойная брюнетка, тоже из нашей компании. Здесь же располагалось Ателье мод, где мы шили себе модные брюки и пиджаки. А рядом на Карла Маркса был дом профессора Слонима, я думаю №51 и напротив скамейка, где мы собирались летними вечерами тесной компанией, скамейка между двух многолетних дубов. Вот фотографии этого места, снятые в разных ракурсах. В профиль и анфас.

Ну, а если продолжить и перейти через Первомайскую, то слева будет здание райисполкома, во дворе которого жил Рамиль Ибрагимов, ещё один мой одноклассник и семья академика Уклонского. Александр Сергеевич Уклонский, из той плеяды учёных, которые приехали сюда по “путёвке Ленина” и создали Университет, а потом и Политех. Раньше на горфаке ТашПИ, висела мемориальная доска в память об этом выдающемся учёном –минерологе и геохимике, создателе кафедр минералогии в ТашГУ и ТашПИ и основателе крупнейшего в Средней Азии минералогического музея. Висит ли доска сейчас, Бог весть. У Александра Сергеевича был поздний ребёнок, – Лёня, учившийся со мной в одной школе на три года позже. Лёнина судьба весьма трагична. Ещё учась в школе, он связался с блатными, они грабанили какую-то контору, пишущие машинки украли что ли, их там же и взяли, Лёниных подельников посадили, а его или по малолетству пощадили или отец отмазал от тюрьмы, но от греха подальше отправил он его в Москву к родственникам. Вернулся Лёня в 69-м, совершенно не похожим на себя, стал таким андерграундным хиппи, разговаривающим на смеси “английского с нижегородским”. Я часто тогда с ним общался. Хату он называл “флэт”, концерт - «сейшен», люди - «пиплы» ну и т.д. Довольно забавно

было. Потом его родители умерли, и он к тому времени широко известный в определённых кругах, как сейчас говорят “продвинутой молодёжи” Ташкента, под кличкой не то “Кока”, не то “Кука” в 72-м году погиб от передоза (было ему 17 лет). Рамиль Ибрагимов, один из немногих, кто его хоронил, рассказывал мне потом как он заколачивал крышку Лёниного гроба. К счастью его родители не дожили до этой трагедии.

А напротив райисполкома, в доме с крылечком жила наша директриса, Анастасия Алексеевна Кравченко. По неисповедимым путям провидения, внук её, Владимир Кравченко генеральный директор компании мобильной связи КОСКОМ, где я работаю.

Ну, и как не вспомнить улицу Первомайскую, на которой жило подавляющее число моих однокашников. Вадик Черкасов, Валерка Трошков, Румка Садатдинова, Женька Калишер, Вовка Быкадоров, Вовка Бронфен, Наташка Танан.

Танан и Бронфен жили во дворе прямо напротив Дворца спорта им. Митрофанова. Построили этот бассейн в бытность мою школьником, мы все сразу пошли записываться туда в секции и довольно долго ходили плавать. А до этого на этом месте был маленький стадиончик “Пищевик”, на котором играли в футбол взрослые парни.

Во двор к Вовке с Наташкой можно было пройти и со стороны улицы Ремесленной, что соединяла Первомайскую с Жуковской пересекая Гоголя, там же во дворе располагалась секция борьбы и бокса. Вовка проживает сейчас в Канаде, а Наташа ушла из этой жизни. Унесённые ветром.

Школьная кличка Вовки Бронфена, была Холл, не помню почему, и у него в середине 60-х обнаружился родной дядя-капиталист в Канаде, тема в те годы конечно не “марксистская”, но благодаря этому у Холла всегда были супермодные шмотки, жвачка, а самое главное импортный магнитофон. Однажды, если не ошибаюсь на 7 ноября, мы устроили у него дома вечеринку всем классом, называлось это тогда “сабантуй” или “контора” и я впервые танцевал медленный танец, трепетно обнимая ту самую девочку Галю.

Через квартал от школы №60, если идти по Куйбышева, была ещё одна школа, в которой училось множество моих знакомых. Это школа №145.

Кто-то перешёл с этой школы к нам, кто – то наоборот от нас ушёл туда, ученики соседних школ часто жили рядом, и таким образом происходило взаимопроникновение, знакомство и впоследствии дружба или приятельство. Достаточно многих помню оттуда. Сашка Сеницын, Алик Флешлер, Витя Мухряков, другие ребята.

Ну вот и очертил я круг циркулем воспоминаний, взяв за центр мою улицу. Сквер, Карла Маркса, Жуковская, Куйбышева, Переушка, Первомайская, Парк Горького, Хорезмская, Советская, Гоголя, Пушкинская. Улицы моего детства.

Переименованы они теперь.

Стало всё по новой там верь не верь.

Но где б ты ни был и где б ты не бредёшь.

Нет, нет по этим улицам пройдёшь.

Время от времени я вновь прохожу по этим улицам, но, к сожалению, только во сне. Сны эти всегда жду и просыпаюсь после них неизменно счастливым.

Эпилог

Однажды я всё - таки рискнул пройтись по тем местам “где счастлив был когда-то”.

И вспомнив в очередной раз Розенбаума:

Иногда в денек погожий, длинный,

Два червонца оборвав с куста,

Не забыв о веточке жасмина,

Я иду по памятным местам.

Выбрал погожий денёк и отправился в путь.

Прогулка, однако, получилась печальной. На моей улице остался только один дом, который помнит меня, да деревья, сильно подросшие с той поры.

Переулок стал тупиком.

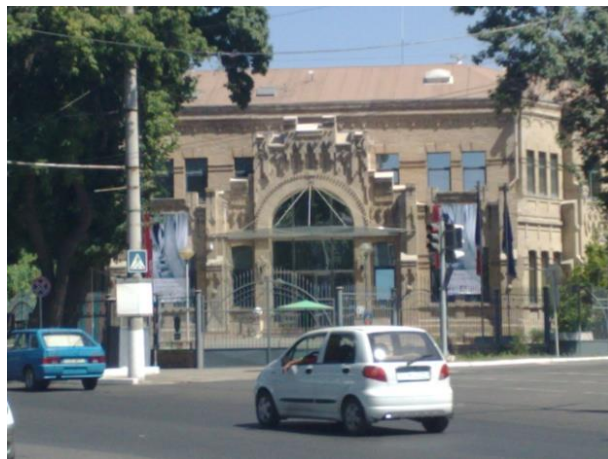

Дом в Каларовском переулке, где жил мой близкий друг Юра Бондарь, совсем обветшал.

Той скамейки напротив дома Слонима больше нет. Только по двум дубам, которые всё так же шумят своей листвой, как и много лет тому назад, можно определить место где она когда – то стояла.

Моя родная школа уже не школа, а иностранное посольство. А вот 145-я так и пребывает в статусе среднего учебного заведения, даже похорошела.

Нет, решил я, лучше не продолжать. Помните, у Вознесенского:

Не возвращайтесь к былым возлюбленным,
былых возлюбленных на свете нет.
Есть дубликаты —как домик убранный,
где они жили немного лет.

Не надо возвращаться, туда, где ты был счастлив когда-то. Не надо. Улицы моей юности погрузились в зыбучие пески времени. Но это было, было. По моей улице, только представьте себе, когда-то прогуливались под ручку великая Анна Ахматова и не менее великая Фаина Раневская. Совсем недалеко, на Гоголя жил Корней Чуковский с дочерью Лидией. На Первомайской жил “красный” граф Алексей Толстой. Однажды он был ограблен

в Каларовских переулках. Всего в какой - ни будь сотне метров от моего дома хранилась рукопись “Мастера и Маргариты”. Фантастика.

И строчки Вознесенского опять всплывают в памяти моей.

Запомни этот миг. И молодой шиповник.

И на Твоем плече прививку от него.

Я - вечный Твой поэт и вечный Твой любовник.

И - больше ничего.

Запомни этот мир, пока Ты можешь помнить,

А через тыщу лет и более того,

Ты вскрикнешь, и в Тебя царапнется шиповник...

И - больше ничего.

И больше ничего.